

Шатовалов Роман

PARADOX

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Роман Шаповалов

Парадокс

«Автор»

2026

Шаповалов Р. В.

Парадокс / Р. В. Шаповалов — «Автор», 2026

Он проснулся молодым. В 1991 году. И знает точно, чем всё кончится. Это немислимо, но его не должно быть здесь. И те, кто управляет временем, уже вышли на охоту. У него три дня, чтобы изменить прошлое. У них — тридцать пять лет, чтобы стереть его из реальности. Он знает, какой будет Россия. Они знают, какой она была. Вопрос только в том, кто успеет первым. «Парадокс» — это не альтернативная история. Это предупреждение. P.S. Здесь есть любовь, война, интрига, боль и радость. При этом книга — манифест.

© Шаповалов Р. В., 2026

© Автор, 2026

Роман Шаповалов

Парадокс

ГЛАВА 1

Я проснулся рывком — будто сорвался с обрыва. И первое, что врезалось в сознание — не утро, не мысли о делах, а... гимн. И не какой-нибудь там, а самый настоящий гимн Советского Союза. Да-да, именно тот, родной, исторический, пафосный хор. Я даже слова различил: «Союз нерушимый республик свободных...» И вот лежу, слушаю и думаю: это что сейчас было? Мне снится, что ли? Потому что следом бодрый голос сообщил: «Сигналы точного времени. Московское время шесть часов утра», потом беглое перечисление городов с соответствующими временными показателями и в завершении «Во Владивостоке — час дня». Какие, к чертям, «сигналы точного времени»? И когда это у меня завелось радио? У меня дома вообще его нет. Ни будильника, ни приемника — максимум телефон, и тот на беззвучном.

Я замер, прислушиваясь. Тишина. Только сердце бахает. Открываю глаза — и тут меня накрывает второй раз. Я лежу в кровати своей старой квартиры. Той самой, в которой жил когда-то давным-давно. Смотрю на побеленный потолок, именно побеленный, а на нём, во всю длину, как родная метка из прошлого, знакомый стык между плитами. Я его помнил до последней трещинки, потому что в юности частенько лежал и философствовал в него глазами. И вот сейчас я смотрю на него снова. В деталях. Прямо как в фильме с очень хорошим качеством. У меня в голове первая мысль: «Ни хрена себе погружение во сне». Настолько четко, детально, с фактурой, с этой трещинкой. Обычно сны все какие-то мыльные, а тут — Full HD, если не 4K. Сплю или нет? Абсолютно ясная голова. Никакого тумана. Это настораживало больше всего. Даже щипать себя не пришлось. Просто, когда машинально протёр глаза, увидел свою руку. Рука — моя. Самая обычная. Но есть нюанс: она молодая. Не просто ухоженная и гладкая, а именно молодая. Кожа чистая, никаких тебе пигментных пятен, никаких шрамов и мелких морщин, которые я за последние годы уже, можно сказать, вырастил и к ним привык. Я поднимаю вторую руку — эффект ровно тот же.

В этот момент мой мозг, похоже, сдаётся. Я в одно движение подрываюсь с кровати. Кровать отвечает обиженным протяжным криком, потревоженных досок. Звук знакомый, до дрожи.

Оглядываюсь вокруг. Всё, мир сошёл с ума. Либо я. Варианты примерно одинаково «приятные». Комната — моя старая, школьно-юношеская. Не «похожа», не «как две капли воды напоминает», а прям родная, до последней пылинки. Такое ощущение, что кто-то аккуратно перенёс меня в прошлое на тридцать с лишним лет назад. Вот и не верь после этого в сверхъестественные силы.

Справа — шкаф, который стоит вплотную к кровати, словно специально, чтобы по утрам тренировать чувство самосохранения. Встать можно только в одну сторону, и то с акробатическими элементами. Повернёшься не туда — впечатаетесь в дверцу. И ведь я когда-то искренне считал это «рациональной планировкой».

На стене — ковёр. Икона эпохи, от которого у меня глаз дёргался. Я хотел постелить его на пол, но места не хватало, а на стене он бесил меня этими красными розами. Но его мама купила. Теперь висит, как напоминание о ней.

В углу — мой секретер. С первого класса до четвёртого курса техникума был мне вместо стола, помощник и склад детских ценностей. Тот самый, раскладной, с откидной столешницей. Открыт настезь, верхние полки забиты книгами в два ряда. Внутри — бобинный магни-

тофон-приставка «Нота 203». Добротный. Советский. Надёжный. Как танк. А рядом — мои самодельные стереонаушники и аккуратная стопка белых коробок с лентами. На торце одной — знакомая, кривая надпись, сделанная мною лет в семнадцать: «Roxette». Буквы пляшут, будто я писал их в автобусе на коленке.

Я застываю, рассматривая экспонаты в музее собственной юности. Стены, шкаф, ковёр, магнитофон... Запах знакомый — смесь старой мебели, пыли и чуть сладкого выветрившегося парфюма «Дзинтарс — Кристина», которым ещё недавно пользовалась мама. Комната не просто похожа — это она и есть. Со всеми этими странностями, нелепостями и мелочами, которые я, казалось, забыл навсегда. Но стоило их увидеть — и память вернулась.

Ещё секунду стою в этом театре воспоминаний — и тут меня догоняет реальность. В прямом смысле. Делаю шаг, не глядя под ноги, и с энтузиазмом впечатываюсь мизинцем в ножку шкафа. Боль такая, будто я попытался ногой пробить железобетонную стену. Рефлекторно наклоняюсь и с ходу врезаюсь лбом в тот же шкаф, но уже в угол. До полного комплекта не хватает только, чтобы он на меня рухнул. Боль совершенно реальная. Я даже не выругался — просто зашипел сквозь зубы, потому что перехватило дыхание. Нога пульсирует, голова гудит. Но сомнений больше нет: я в настоящей реальности.

Я оглядываюсь ещё раз, уже внимательно. Провожу ладонью по ворсистому ковру — под пальцами знакомое, слегка жёсткое тепло. Касаюсь книжных корешков — они самые настоящие, с потертостями и заломами. На секунду приподнимаю крышку секретера — она всё так же протяжно скрипит. Если это иллюзия, то она безупречная. Сердце колотится уже как молоток отбойный. Целый рой вопросов одновременно начинает крутиться в голове:

—Какого черта происходит?

—Как я здесь оказался?

—И вообще — так бывает?

Не дожидаясь ответов от вселенной, я стремглав лечу из комнаты. Дверь в коридор — та самая, крашенная голубой масляной краской. Рукой касаюсь косяка — под пальцами шершавость старой краски. Я, как по наезженной траектории из прошлого, несусь в ванну. Внутри — знакомая плитка. Отец клал, гордился. Сейчас смотришь — ну, такое себе. Кто так строит?

И вот оно — зеркало. Замерев перед ним, поднимаю глаза. Смотрю в зеркало — а там не я. То есть я, конечно, но не сегодняшней. Не тот, к которому привык. В отражении молодой. Сука... совсем молодой. Я даже вдохнул громко, будто по рёбрам получил. Лицо моё, без вопросов. Но то, «тогдашнее». Острые скулы, квадратный подбородок — никаких намёков на второй. Кожа ровная, свежая. Глаза ещё не уставшие — без морщин и тёмных кругов. Волосы русые, без седины, а не привычная стриженная лысина. И самое удивительное — я прекрасно помню себя таким. Именно таким я вернулся из армии: крепкий, жилистый, с лицом, где уверенность мешается с растерянностью и спортивным азартом.

Наклоняюсь ближе к зеркалу, шевелю губами, моргаю — на стекле испарина, отражение синхронно. Всё честно. Провожу пальцами по щеке — кожа тёплая, гладкая. Приплыли...

И меня накрывает:

— Нихера сибеее... Произношу вслух. Голос — тоже мой прежний. Более звонкий, без скрипа, без хрипотцы, которая появилась ближе к зрелым годам. Мозг в этот момент уже не просто протестует — он орет: «Шизофрения надо полагать! Или что похуже.»

Пытаюсь сообразить: если это сон — слишком реалистично. Если реальность — то какая-то неправильная, так не бывает. Если воспоминание — чего я тогда чувствую запах старого мыла, слышу радио за стенкой и ощущаю, как босые ноги мёрзнут на холодном кафеле? Стою, держусь за раковину, смотрю на молодого себя в зеркале и понимаю: обратный отсчёт моей нормальности уже пошёл.

И тут меня накрывает: это не сон. Совсем не сон, а самая настоящая реальность. Я ловлю себя на мысли: а куда делся тот самый «я» — пятидесятишестилетний?

Вылетаю из ванны — и через пару скачков уже на кухне. Квартира маленькая, «двушка»: одна нога ещё в ванной, другая уже у холодильника. Над столом — отрывной календарик. Не смартфон, а честный бумажный прямоугольник. Смотрю: «Пятница, 16 августа». 1991 год. ««Пабам»», —мысленно говорю и с чувством отрываю листок. Под ним — «Суббота, 17 августа». Выходной. Уже легче. Впрочем, через пару дней закрутит так, что мало не покажется.

Из радиоприёмника на подоконнике булькает голос диктора.

— В проекте Основных направлений в конкретных заданиях и цифрах материализуется программная установка партии на ускорение социально-экономического развития страны до 2000 года, достижение качественно нового состояния советского общества, глубокое преобразование его производительных сил, совершенствование производственных отношений — и ещё всякое бла бла бла. Голос уверенный, спокойный, будто он не о перестройке, а на курорте прогноз погоды зачитывает. Несёт свою обычную ахиною про успехи и светлое будущее. А в воздухе уже пахнет кровью, дерьмом и дымом пожарищ. И огромными потерями для тех, кто ещё считает себя советскими людьми.

Август девяносто первого. Я живу в родительской квартире один — самостоятельный, взрослый и целеустремлённый человек, если не считать розовых фантазий о будущем. Мама умерла в прошлом году — жертва не только болезни, но и советской хирургии, которая иногда лечила, а иногда... ну, как повезёт. Нам не повезло. Отец долго не задержался в статусе вдовца: через месяц перебрался к какой-то барышне, имя которой я не утруждал себя запомнить. Сестрёнка жила у тётки — матушкиной сестры. Логика простая: девочка маленькая, нужна опека, а мне сидеть с ней было некогда. Днём — работа в кооперативе, вечером тренировки в атлетическом клубе «Прометей». Идеальный баланс: днём со сварочным аппаратом «трахаюсь», а вечером — со штангой и гантелями до трясущихся ног.

Качалка помогла пережить смерть мамы. И сделала это лучше всякого психолога.

Стою я в этой крошечной кухне между бурчащим холодильником, календариком и радиоприёмником — и ловлю странное ощущение. С одной стороны, всё до боли знакомо: обои в цветочек, стол, переживший три поколения тарелок, табуретка с побитыми углами. С другой — шевелится тревожная мысль: а точно ли это моё прошлое? Всё ли именно так было? Или я попал в слегка исправленный вариант?

Я помню тот август девяносто первого. Страна трещит по швам, по телевизору одно, на кухнях другое. Но сейчас, стоя здесь, я впервые задумываюсь: а было ли всё именно так? Или история слегка переписала сама себя — и заодно меня? Может, это моя задача — всё переписать? Опыт у меня — будь здоров, знаний — целый товарный состав.

А вдруг это тот же август, только с чьей-то ехидной «поправкой на юмор»? Может, я вернулся не в прошлое, а в его версию 2.0? И снова тот же вопрос: что случилось со мной, пятидесятишестилетним? Раздвоился? Умер и воскрес? Или просто... блядь, не знаю.

Холодильник ворчит, радио бубнит, календарь сообщает — выходной. Я стою у балконной двери, смотрю во двор: каштаны, тонкие берёзы. Я помню их из двадцать первого века — огромными, сильными деревьями. Сейчас они другие, прежние. Как и я. Прижимаюсь лбом к прохладному стеклу — пытаюсь остудить перегретые мысли.

И тут на меня накатило не по-детски, не знаю истерика или нервный срыв: я от души расхохотался на всю квартиру. Да если бы только, я заржал как конь, до слёз, до икоты и потемнения в глазах. И постояв так ещё некоторое время откашлявшись и встряхнувшись дал себе установку «Соберись, мля!»

Зажёг фитиль в газовой колонке. И под душ. Контрастный- лучшее решение. Пара секунд под горячей, потом резко холодная. Организм в шоке: «За что?» Но через пару минут привык, успокоился и даже поймал вайб. Через десять минут — как энерджайзер. Голова ясная, настроение бодрое. Мысли закрутились. И одна понравилась особенно: а ведь я дам-таки всем просрать. В хорошем, конструктивном смысле. Ну, почти. Время перемен — время больших

возможностей. И у меня максимальная комплектация: молодость, здоровье, сила, знание будущего и опыт. То, чего в двадцать два года быть не должно. Читерский набор, если по-честному.

Пока стоял под душем, вспомнил анекдот про поручика Ржевского. Игра в покер, ставки, важные лица — и вдруг выясняется, что у джентльменов принято не вскрываться, а верить на слово. И у Ржевского, который до этого постоянно проигрывал, вдруг попёрла карта. Так и у меня: карта на руках, правила знаю, тузы в рукаве. Главное — не светить ими раньше времени. Жизнь не любит выскочек. Мысль простая, но приятная: жить так, чтобы потом не вздыхать «эх, если бы...», а говорить: «Да, было дело. Я всё сделал по полной».

Разве я не мечтал пройти этот квест «моя жизнь» заново, с опытом и мозгами на месте? И вот, пожалуйста: КЛАЦ! — словно кто-то наверху нажал на «перезапуск». И события сами вернулись. Да не какие-то скучные будни, а самый нервный, исторический перегиб. Одно неверное движение — и ты либо в легендах, либо в списке тех, о ком говорят: «Ну, умер и умер». Я это всегда знал. Но так умело притворялся, что мне всё равно, что сам начал в это верить. А правда простая: хочу власти над людьми, денег и жирного благополучия. Чтобы с запасом. Чтобы основная проблема дня — выбрать, куда полететь и какой самолёт из своего личного ангара взять. Пройти этот квест во второй раз — не растерянным новичком, а игроком, который знает, где ловушки, где бонусы и кого не брать в пати.

Лирика, конечно, приятно щекочет мозг, но не мешало бы подкрепиться. Чем-то белковым, питательным и в меру калорийным. Я же бодибилдер, мля.

Подхожу к холодильнику. Старенький «Орск-3» — побитый жизнью, с потёртой эмалью, но бурчит себе баском и светится изнутри жёлтым уютom. Пахнет котлетами, горчицей и далёкими надеждами на лучшее будущее. Внутри — стандартный советский набор: куриные яйца, банка с чем-то маринованным, «Докторская» с загадочным составом и майонез «Провансаль» с засохшими остатками на стенках и овощной лоток, набитый зеленью и помидорами. На кухонных часах 7:25. Я всё ещё зависаю между «пора начать новую жизнь» и «как так-то?». Ладно, начинаем с самого насущного: «завтрак будет?» Пара несложных манипуляций — и на тарелке омлет из пяти яиц с помидорами и овсянка. Вполне себе для атлета. Хорошая форма — это не просто бонус, а фундамент. Но в этот раз — никакого фанатизма. В прошлой жизни я вбухал в спорт столько сил, что страшно вспомнить. Жил без радости: вечно голодный, злой, уставший. Массаналбор, сушка, работа — лишь бы хватило на еду и ферму. И только в тридцать осенило: пресс — это не состояние мышц, а содержимое кошелька. В этот раз буду действовать с умом. Время и энергию не восполнишь, а я годы труда в качалке потратил, а по итогу лишь пара фоточек с турниров по культуризму и беспонтовые кубки, из которых ни выпить, ни цветы поставить. Хочу, чтобы каждый день был про что-то, а не про подвиг самопожертвования ради красивой картинки. Поэтому начну с самого важного — с повторного знакомства с собой. Без юношеского максимализма. Понять, как на самом деле работает моё тело, какой режим подходит, какой спорт приносит радость, а не только крепатуру. Не воевать с организмом по расписанию, а жить с ним в мире.

Честно говоря, сомневаюсь, что моё появление здесь резко изменит ход истории. Но, вспоминая «Назад в будущее», осознаю: иногда достаточно небольшого изменения в себе, чтобы всё пошло по-другому. С оговоркой, что я, надеюсь, тут не задвоился. Никаких двух версий меня, спорящих, кто из нас настоящий. Батя этого точно не переживёт. Ему и с одним экземпляром мороки хватало.

Ладно, вернёмся к земному. Машины нет — пока не нашёл. Зато на балконе грустит мой спортивный велик — легендарный «Старт – Шоссе Москва-80». На трубах. Олдскульный железный конь, краска ободрана, тросики смотрят с укором. Но едет.

В прошлой жизни я на нём пару раз знатно разбивался, что до сих пор есть некоторое недоверие к двухколёсным. Сейчас поуменел (надеюсь): лучше притормозить, чем ходить в зелёнке. Спорт должен быть в радость, а не на убой.

Хватит философии. Мне пора в клуб — знакомиться со своим прошлым. На мне — суперлук по меркам СССР: белые шелковые шорты и чёрная майка с надписью Active life. Тогда любые принты на английском языке считались пропуском в «высший свет». На ногах — замшевые «адики». Выгляжу довольно стильно. Особенно если вспомнить, что велосипедок в «стране советов» днём с огнём не сыщешь. Их ещё не завезли. Но это ненадолго.

Выхожу из квартиры с великом. Родина встречает как умеет: густым ароматом кошачьей мочи и субботней выпечки. Хорошо хоть живу на втором этаже — пробежался по ступенькам подъезда, и я на свободе. Без лишних раздумий запрыгиваю на велосипед, нажимаю на педали — и всё, я уже ветер-свобода. Колени не скрипят, спина не ноет, ничего не щёлкает. Как же, мать его, чудесно жить, когда организм не напоминает о себе.

Молодость — самая недооценённая валюта. Заканчивается тихо и подло, а ты замечаешь это только когда стыдно нагибаться за упавшей монеткой при других людях. А я снова получил этот дар. Мышцы работают как поршни, дыхание ровное, сердце не ругается на подъёмах. Второй шанс — сон наяву.

Лечу по знакомым улицам. Асфальт тот же, с ямками, дома те же — только такие милые. Подмечаю детали, которые позже исчезнут. Вот «Пазарджик» превратится в «Богемию», «Детский мир» захапает банк, а ларёк с мороженым исчезнет совсем. Забавно: еду по прошлому и вижу его будущее.

Пасмурно, тучи висят тяжёлые, как обещания дождя, но пока сухо. Для велика без крыльев это критично: одна лужа — и спина превращается в абстрактную композицию. Полдня ходишь, как жертва Бэнкси. Поэтому еду и молюсь (в своём атеистическом стиле), чтобы дождь подождал хотя бы до вечера. Мчусь в «Прометей». Для меня это не просто клуб — это работа, спорт, друзья, место силы. И конкретная цель — увидеть Василича. В прошлой жизни я не успел с ним проститься. Он умер от рака, не дожив до семидесяти пары месяцев. Вечно некогда, вечно «завтра заеду», а потом бах — и некуда. И это «не успел» сидит в тебе, как камень в ботинке.

Кооператив базировался как раз при клубе, который занимал весь цоколь пятиэтажки — здания семейного общежития. Большая часть — спортивные залы, а в конце подвала два просторных помещения для сварочных работ и покраски. Мини-цех. Мы творили спортивные тренажёры. Сварочный аппарат, профильные трубы, листовой металл. Искры до потолка, запах жжёного железа и краски — хоть противогаз надевай. И из всего этого хаоса, вырастали тренажёры, стойки, лавки — и для своего клуба, и на продажу. Толкали спорт в массы, ковали здоровье нации, а заодно пытались заработать в эпоху, когда страна уверенно проваливалась в пропасть рыночных отношений, а мы просто выживали своим трудом.

Но тренировался я регулярно и самоотверженно. Владимир Васильевич Козырев — он же Василич, он же Шеф, мой тренер и директор клуба — писал планы тренировок, «правильные» курсы фармы, а я их отпахивал на сто процентов. Меня пёрло как на дрожжах, силу и массу набирал стремительно. Да и «пруха», когда ты на «массе», зверская: энергия кипит, становишься заметно агрессивнее. Превращаешься в какого-то Халка — только тут о нём ещё и не слышали. В клубе народ собирался пёстрый. Школьники, мечтающие стать Мистерами Олимпия, работяги после смены, студенты, которые вместо лекций по марксизму-ленинизму предпочитали жать штангу лёжа. Воздух густой от пота, магнезии и мечты о большом будущем. Кто-то качался, чтобы «девочек клеить», кто-то — чтобы в армии не загнуться. А я, вернувшись со службы, продолжил начатое ещё до армии. Просто безумно любил это состояние — когда мышцы гудят, голова пустеет и все проблемы отходят на второй план.

А сейчас у меня есть шанс всё наверстать. Видеть тех, кого уже нет. Знать, что перед тобой живой человек — с его мимикой, привычками, любимыми словами. А в моей старой реальности он давно только фотография в рамке. А здесь ещё дышит, шутит, ворчит. Может налить чаю в гранёный стакан и спросить: «О! Ромка! Ну что, как жизнь, молодёжь?»

Да, кстати, забыл представиться: я и есть тот самый Ромка. Тот самый, про которого через лет двадцать Аня Плетнёва из «Винтаж» споёт: «Рома, Рома, Роман». Шутка. Песня про другого, но кто знает.

Примчался в клуб. Спускаю велик в подвал — и тут он. Стоит посреди холла, как хозяин жизни. Живой, весёлый, уверенный. Владимир Васильевич. Мой тренер, наставник, гуру — без иронии, хотя в те годы я бы так вслух не сказал. Он поворачивается, улыбается — блеснув золотым зубом. Бодрое рукопожатие — и из меня будто выжимают душу. Ладонь широкая, сухая, как наждак.

– Ты что так рано? – без разогрева налетает он. – У тебя же тренья вечером. Или в мастерской решил помочь? И вообще, бледный какой-то. Всё нормально? – Вопросы сыплются как удары по мешку, а я стою, как герой немого кино. Язык приклеился к нёбу. В голове крутится: это первый человек из прошлой жизни, кого я встретил. Живой, реальный Василич из плоти и крови. Пытаюсь что-то сказать, но выходит невнятно:

– Ээ... да я... это... Сон странный приснился... Рано встал... Клуб — второй дом... – Он смотрит внимательно, по-отечески, чуть прищурившись. Но вместо расспросов мягко хлопает по плечу:

– Ладно, потом расскажешь. Швеллер привезут — иди переоденься, поможешь.

Иду по длинному коридору в раздевалку как обычно в прошлой жизни: уверенный, целеустремлённый, разглядываю трубы под потолком и свежую плитку под ногами. Время раннее, зал ещё спит, здесь только Василич. Дёргаю ручку на себя — обитая рейкой дверь со скрипом отлетает в сторону. Делаю шаг внутрь и замираю. Натыкаюсь взглядом на Ксюшу. Тренер аэробики, она же Ксю, она же Оксана. Стоит посреди раздевалки в одних трусиках и даже не пытается прикрыться.

Я, при всей своей «насмотренности» и жизненном опыте, на секунду застываю. Оцениваю. Грудь на ровном шоколадном загаре кажется почти ослепительно белой. Для стройной фигуры — чуть великовата, но по форме — идеально, самое то.

— Айм сори, Ксю. — Я делаю вид, что отворачиваюсь, ишу на гвоздике свою робу. — Не ожидал, что тут кто-то ещё есть. Думал, кроме Шефа — никого.

— Роман, стучаться не учили? — шипит она. Надменно, но я замечаю: она прекрасно поняла, как именно я её только что оценил.

— Ксю, а чего я нового увидел? Хотя знаешь... мне понравилось. Ставлю лайк. — Она моргает. Раз. Два. Как будто перезагружается.

— Чего ты мне ставишь? — хлопает ресницами. — Лайк? Что это значит? Какой-то ты странный сегодня. — Я сдёргиваю тряпки с гвоздика, разворачиваюсь к ней полубоком — вроде и смотрю, и не смотрю.

— Это оценка. Высшая. Типа «одобрено, можно повторить». Знаешь, когда под фото жмут сердечко?

— Ты чего несёшь? Где ты мои фотки видел? — она краснеет.

— Я не о фотографии. Я о тебе. Мне очень понравилось. — Теперь уже осматриваю её с ног до головы. Задерживаюсь на лице. Глаза — большие, серые. И вдруг — странное видение: я смотрю на себя её глазами. Вау. Что это было?

— Как мне не оценить, если появилась такая возможность? — добавляю быстро. — К тому же оценка высокая. Премиум-класс. Ксюша фыркает, но губы дёргаются в улыбку, в глазах — неведомый свет.

— Какой-то ты странный сегодня, — повторяет она. — Такого не ожидала.

— Так я опытный. Иммунитет. Считаю это рабочим моментом. Шёл по делу, а тут такая прелесть...

— Не замечала за тобой такого опыта. Никак познакомился с кем-то? А то вечно тихий и застенчивый. — Она говорит это, не прикрываясь, не отворачиваясь. Глядит прямо в глаза — с вызовом, с хищной улыбкой берёт полотенце и накидывает его на плечи.

— В следующий раз — три стука, пауза и ещё три. Это будет наш секретный код.

— Типа пароль? — отступаю к двери. — Наш?

— Типа предупреждение, что сейчас ко мне опять ворвётся человек, который «ничего нового не увидел», но делал это с удовольствием.

— Договорились, — соглашаюсь я.

Я выскальзываю в коридор, притворяю дверь. Даю ей закончить. Только там позволяю себе выдохнуть. Прислоняюсь спиной к прохладной стене, закрываю глаза.

«Что это было?» Не она. Не её грудь. Не этот странный флирт. А то видение. Когда я будто увидел себя её глазами. На секунду — чётко, объёмно, как в зеркале. Со стороны.

Я провожу ладонью по лицу. «Может, перегрелся? Или возрастное?» — тут же усмехаюсь. Какой возраст? Мне сейчас двадцать два. По паспорту. А по ощущениям — под пятьдесят семь с хвостиком. В голове — каша. Тестостерон, адреналин, странная лёгкость. И этот её взгляд. Не злой, не смущённый — изучающий и заинтересованный. «Чем же я её сегодня зацепил?»

В прошлой версии я для неё был незаметным. А тут — интерес, вызов. Даже пароль сходу придумала. Наш.

Я открываю глаза. Коридор пуст. Из тренажёрного зала тихо доносится музыка, где-то хлопает дверь.

Внутри — ни одной мысли. Только странное, почти пьяное: «А ведь это только начало».

В «прошлой версии реальности» Ксюша встречалась с Олежкой — нашим первым чемпионом края по бодибилдингу. Парень был харизматичный, очень нравился девушкам, этакий плейбой. Яркий брюнет с прямым греческим носом и серыми глазами. Широкий, мускулистый, пластичный. Учился в пединституте, а подрабатывал в баре при Интуристе, в вечерних программах. Стриптизёр, одним словом. Девчонки, естественно, на таких самцов западали моментально. Для них он был как живой постер с обложки западного журнала. Вечером поработает «экзотическим украшением программы» перед гостями, а уже через час его можно было увидеть в местном кафе, в обществе очередной «мамки». Но Олег, избалованный женским вниманием, долго за Ксюшей ухаживать не стал, как говорится, добившись близости «поматросил и бросил», и как-то, между прочим, в раздевалке, выдал тайну своей потери интереса одной фразой — «Брат, там всё висит». Но, если уж быть честным, при беглом, но внимательном осмотре сегодня, я не обнаружил у Ксюши ни одной «подвисшей» детали. По крайней мере, грудь у неё выглядела более чем впечатляюще: полная и упругая. Так что, его скабрёзное «экспертное мнение» можно отнести, скорее, к категории мужских баек из серии «надо же как-то оправдать собственное блядство».

Но вот когда именно произошёл этот их скоротечный роман, для меня нынешнего являлось загадкой. Сейчас же я стою в коридоре, вспоминаю всё это и ловлю себя на странной мысли: а вдруг в этой версии реальности всего этого ещё не было? Может, Олег ещё не успел стать тем самым «тем самым» для Ксюши, или их история пока только намечается на горизонте. Или вообще может не случиться. Надо бы её пригласить, на чай-кофе. Я снова мысленно нажимаю на своё воображаемое сердечко, как на кнопку «нравится», и чувствую, как внутри просыпается лёгкий азарт. Утро определённо выдалось позитивным.

Скоро подъехал грузовик с металлом. Чтобы не задерживать машину, мы быстро разгрузили кучу труб и швеллеров, а потом так же быстро разложили всё на стеллажах у дальней стены мастерской. Когда закончили и немного перевели дух, шеф осмотрел аккуратно сложенный материал, довольно кивнул на выход.

— Ну что, пойдём по чайку? Делу время-потехе час! И очень хотелось, спустя тридцать пять лет, насладиться общением с мудрым наставником. Цех у нас располагался в конце клуба, так что путь к тренерской, где обитал электрический самовар, пролегал через качалку. Открываю дверь — и в нос бьёт коктейль: резина, железо, магnezия и трёхэтажное мужское упрямство. По пути начали попадаться ребята с утренней тренировки. Кто-то уже тягал штангу, кто-то крутил головой перед зеркалом, кто-то лениво разминался, делая вид, что вот-вот перейдёт к подвигам. Многие лица я узнавал — всё-таки мы здесь вместе провели не один десяток тренировок. Но имена аккуратно выветрились из памяти, как прошлогодние объявления на столбах.

Лица знакомые, жесты знакомые, походка. А как зовут — хоть стреляй, не вспомню. А ведь я нахожусь именно в том же времени. Как это переварить? Чёрт его знает. Но признаваться вслух, что никого не помню, не хотелось.

Поэтому я выбрал универсальный способ общения: проходя мимо, каждому крепко жал руку — не просто дежурно, а так, чтобы человек почувствовал силу и искренность — и сопроводил всё это фирменной репликой из моего личного «будущего»: «Мотивацию надо поднять!» с характерным чеченским акцентом.

Звучало бодро, почти как боевой клич. И главное — универсально: подходит и тем, кто только пришёл и ещё осматривается в поисках свободных снарядов, и тем, кто уже вспотел, надрывая молодой организм тяжестями. В ответ раздавались довольные возгласы, шутки, смех — призыв пришёл к месту. Времена меняются, а вот это — пожать руку, подбодрить, сказать «соберись!» — остаётся. И мотивирует не только того, кому говоришь. Но и себя, чего уж там. Переоделся быстро — обрезанные штаны, майка, которые я узнал даже спустя тридцать пять лет. И тут в коридоре — снова Ксюша. Она как раз закончила вести группу.

— Ксю, пойдём с нами чай пить. — Она скользнула взглядом по мне, улыбнулась краешком губ.

— Скоро буду, Ромочка. — И вильнула бёдрами так, что я проводил её взглядом до самого поворота. Усмехнулся. Пошёл дальше.

А тут — ещё один знакомый силуэт. Старый приятель. В иной временной шкале я его тоже не видел давненько

— Привет, киборг, — говорю я Димке, подходя к нему.

— О, привет, Ромыч! Ты тоже с самого утра на ногах? — он крепко жмёт руку, и в его голосе — такое буднично-родное, что прошлое и настоящее накладываются друг на друга, как два прозрачных слайда.

— Решил с утра помочь шефу. А у тебя что?

— Ноги буду «убивать». Высокая интенсивность. Подстрахуешь? — он широко улыбается. Я смотрю на него и вижу не только друга, но и того, кем он станет через тридцать лет. Охранник на проходной. Опустившийся, злой. Я знаю, что, если сейчас ничего не изменить — всё повторится.

— Да ты разминайся пока. Как на рабочие веса подойдёшь — кликни.

Он кивает и уходит в зал. А я стою и думаю: сказать ему? Не поверит. А портить приятельские отношения не хочется. Поразмышляв несколько секунд над этим, иду в тренерскую, где меня ждут чай и неспешные разговоры, с погружением в воспоминания и очевидно спортивные наставления. И, главное, там я смогу спокойно подождать Ксюху. Ибо мой интерес к ней, неожиданно, стал прямо-таки идеей фикс. А с гормонами у меня, похоже, всё в этой реальности более чем: стоило вернуться в тело двадцатидвухлетнего, как в голове начался полный тестостероновый хаос. — Придётся себя как-то контролировать. А то в таком голодном состоянии можно натворить непотребства. Берегитесь, девочки! Надо бы для души выбрать одну. Если получится, конечно. А если нет — то хоть не всех сразу.

— Уже налито, бери чашку. Вон сушки, если хочешь, — улыбается шеф, устраиваясь в своём любимом потёртом низком кресле в углу. Это кресло, по сути, его трон: сидеть удобно может разве что он один, остальные в нём либо проваливаются, либо теряют веру в эргономику.

Говорил в основном он. Я практически только кивал и поддакивал. Не от скромности — а потому что почти ничего из этих событий не помню. Вот вообще. Временами складывалось ощущение, что он рассказывает мою же биографию в режиссёрской версии, с вырезанными сценами.

— Помнишь, мы тогда решили... — говорит он. Киваю. Ничего не помню, но выгляжу убедительно.

— И ещё ты сам предлагал... — продолжает он. Снова киваю, делаю вдумчивое лицо, отпиваю чай. Шеф, поначалу, делает вид, что не замечает мою потерянность. Говорит спокойно, иногда улыбается, откусывает сушку и продолжает наставление:

— Надо до Нового года закончить обшивку сауны рейкой. Пускай деньги зарабатывает. Электрокотел я заказал, скоро привезут. Нам дополнительные средства не помешают.

Я киваю в десятый раз, словно подписывал эту договорённость кровью. Внутренний голос шепчет: «А мы это и правда обсуждали?» Но вслух — ничего. Мой вклад — «угу», «точно», «да, верно» и стратегические глотки чая в неудобные моменты. Молчание — золото. Постепенно в голове начинают выстраиваться обрывки наших планов, знакомые фамилии, смутные картинки из прошлого. Как плохо сохранённые файлы, которые мой «компьютер» всё-таки смог открыть. Что-то действительно всплывает. Отдельные фрагменты.

Шеф, кажется, это чувствует, и ненавязчиво спрашивает

— У тебя точно всё хорошо? Или снова с отцом очередная размолвка? — Аллилуйя! Прекрасное объяснение моего тупняка шеф сам только что придумал его за меня. На что, в ответ, я просто делаю усталую мину и махнув рукой, отшучиваюсь

— Да разберусь я с ним, Василич. Разрулю — соглашаюсь с предложенной версией моей задумчивости и странности в поведении, подмечая тот факт, что очевидно я и раньше делился с ним наболевшим, о чём сейчас начисто забыл.

— Только не ругайся с ним. С отцом нельзя. Не психуй, а то я знаю, какой может быть реакция на фарме. Ладно, семейные проблемы не должны мешать ни тренировкам, ни работе. — подмигивает он.

— Полностью согласен, стараюсь — на этот раз я киваю уже не для вида, а абсолютно осознанно.

В комнату вихрем влетает Оксана — сияет, как весеннее солнце. С улыбкой плюхается рядом, косится на меня и жалобным тоном просит:

— Налейте девушке чаю. Только без сахара.

— Да у нас сахаром и не пахло никогда, — хмыкает шеф. Поднимается и ставит перед Ксюшей стакан крепкого горячего чая в блестящем подстаканнике и добавляет

— Сахар — белая смерть, — вещает он. — Сладкое — ваш враг, поджелудочная — ваш друг. Врагов от друзей надо держать подальше. И ещё пару минут вдохновенно рассуждает про типы телосложения, обмен веществ и прочие спортивные тонкости, которые нам давно были известны. Я стойко слушаю, киваю, соглашаясь, но внутри всё сильнее зудит одно желание: остаться с Оксаной наедине. Без лишних ушей.

Не отрывая взгляда от Василича, представляю: «Было бы так здорово, чтобы шеф куда-нибудь свалил, хотя бы ненадолго». Василич замолкает на полуслове, смотрит в одну точку, будто прислушиваясь к чему-то невидимому. Потом трясёт головой, суетливо бросает взгляд на настенные часы, вскидывается...

— Ох, бля! Время! Я же так опоздаю с вами. — и торопливо выходит из кабинета. Дверь за Василичем закрывается. Я моргаю. «Что? Сработало? — мелькает сумасшедшая мысль. — Нет, бред какой-то, совпадение».

Тишина. Слышно, как тикают часы и где-то гудит музыка. Мы с Ксюшей остаёмся вдвоём.

— Ксюша, когда заканчиваешь? — спрашиваю я. — Есть планы на вечер? — Она не отводит взгляда. Глаза — масляные, с ленцой.

— В субботу вообще-то самое время для отдыха, — произносит она, чуть растягивая гласные. И улыбается. Так, что я сразу понимаю: вопрос не в том, куда пойдём, а придём ли мы вообще. Я улыбаюсь в ответ. В голове лихорадочно прокручиваю варианты: «Турист», «Амальгама»... Деньги есть. Дома, в томике Ленина, припрятана полторы штуки на отпуск. Обнаружил по старой памяти перед выходом. Так что красненькими не обедею.

— Куда подъехать? К восьми успеешь? — Она тут же диктует свой адрес. Я записываю. Чувствую на себе её взгляд — тягучий, изучающий.

— У тебя очень красивый почерк, Роман, — шепчет она. И вдруг наклоняется, делая вид, что рассматривает мой почерк, но при этом её грудь ложится мне на плечо. Тяжёлая, тёплая. Дышит в ухо. Ждёт чего-то... Я внутренне сжимаюсь. Но не от страха — от напряжения. В этот момент в тренерскую врывается Димка. Вспотевший, раскрасневшийся.

— Брат, выручай! В зале одни калеки, вообще некому постоять, — сообщает он о тех, кто тренируется с ним сейчас.

— Да, брат, секунду, подожди, — отвечаю ему, не сводя взгляда с Ксюши. Смотрю ей в глаза, стараясь быть максимально серьёзным и чуть-чуть драматичным, при этом, вдруг представил, интересно, какова она в постели:

— Видишь Ксюша? Труба зовёт. — Она же, словно сразу, вся подобралась, словно кошка, услышавшая странный звук: плечи чуть приподнялись, руки и ноги невольно поджались. А через секунду — будто отпустило. Напряжение стекло куда-то вниз. Бёдра чуть разошлись в стороны. Она подалась корпусом вперёд, к моему лицу, будто не могла сдержать движения. Её губы приоткрылись, язык на мгновение лизнул верхнюю губу — быстро, почти незаметно. Грудь вздымалась от частого дыхания. На лице сначала промелькнуло лёгкое недоумение — как будто её застали врасплох вопросом без подготовки, — а уже через секунду к нему добавился совершенно откровенный интерес. Её глаза заметно расширились, в них вспыхнул живой блеск. И стало ясно: её не только удивило то, что она услышала, но и по-настоящему зацепило. А ведь я не произнёс ничего особенного.

«Странно, — подумал я. — С чего вдруг такая реакция?»

Про себя же отметил эту её странность, которая, впрочем, меня только порадовала.

Димчик корячился под штангой — делал полуприседы, слегка отбивая задницей от лавки. На плечах у него покоилось два с половиной центнера железа. Моя святая миссия — стоять сзади и страховать, если вдруг он решит завалиться назад или застрянет. Я глядел на эту махину и прикинув вес, мысленно присвистнул: а я тоже так могу? Помнится в приседах я товарища на десять-пятнадцать килограмм опережал в силовых. Вдруг если что не так пойдёт, я этот вес на бицепс точно не потяну. Но шестьдесят-семьдесят килограммов к его потугам, вполне способен добавить. Штанга несколько прогнулась, в ногах дрожь от напряжения, но он без пауз отработывает свои восемь повторений, как робот. А ведь после армии всего-то как год с хвостиком прошёл. В этот момент до меня окончательно дошло, чего я на самом деле хочу от всех этих спортивных подвигов. А точнее — чего не хочу. Гнаться за безумными результатами — это точно не про меня. Для меня, как и для многих, это лишь бессмысленная трата времени и здоровья. Три тренировки в неделю — вот идеальный вариант. Качаться до потери пульса и

жить в спортзале? Нет уж, спасибо. Раз уж меня здесь, условно говоря, перезапустили, тратить второй шанс на вечные протеины и памп я точно не собираюсь.

Сегодня уже решил не геройствовать в зале: ограничусь лёгкой тренировочкой после обеда, чтобы мышцы помнили, что я о них забочусь. Немного разомнусь, прокачаю спину и грудные, погоняю блоки на тренажёре — чисто поддержать, но не собирается умирать под штангой. Вечером у меня по плану велопробег до дома. Вот велосипед — штука другая: и кардио и выносливость, и подтянутая фигура, что ещё надо? К тому же, сегодня у меня есть мощный мотиватор, чтобы не расходовать силы по напрасну — меня вечером ждёт девочка. Красивая, харизматичная и, если мой внутренний радар меня не обманывает, весьма страстная.

А пока наблюдаю за наивными, но очень старательными потугами товарища. Ведь дома он смотрит мотивационные видео, ест куриную грудку так, как будто это десерт, отделяет белки в варёных яйцах, поглощая их упаковками, давится печёным минтаем и считает каждый грамм риса. Слушается своего тренера, читает умные статьи, рассуждает о «сушке» и «массе» так серьёзно, как никто в нашем клубе и чё?.. Я-то ведь точно видел во что это выльется. И, что самое забавное, он ведь искренне верит, что у него всё получится. Вы бы видели этот блеск в глазах! Ему ведь мало просто хорошо выглядеть, обязательно нужно сразу замахнуться на мировую арену. Блажен, кто верует... Или как в одной ветхозаветной книжке «Блаженны не видевшие и уверовавшие».

И вот я смотрю на него сейчас — молодого, упрямого, с нереально раздутыми планами, — и думаю: а вдруг в этот раз у него всё получится? Или хотя бы не закончится окошком у турникета с надписью «Предъяви пропуск».

«С такой тяжестью если споткнётся — костей не соберёшь», — мелькнула неожиданная тревожная мысль. Я тут же отогнал её, не придав значения.

И вдруг, по завершению подхода, Димчик оступился, когда возвращал штангу на стойку, при этом резко подавшись вперёд промахнулся грифом мимо крюков. Отчего правый край штанги стал на место, а вот левый просто скользнул вниз, разворачивая её против часовой стрелки. С грохотом упав на резиновый пол, штанга избавилась от замка, который был очевидно не затянут, а следом избавляясь и от всего балласта с противоположной стороны, тут же взлетает обратно, чтобы совершить подобный же кульбит с правым набором блинов.

Я рванул на помощь, но упёрся в лавку и чуть сам не рухнул следом, но самое замечательное, совершив такой переполох штанга умудрилась никого из ребят вокруг не зацепить, и, к счастью, участь пострадавшего миновала и Димку. Только с потолка гриф штанги на обратном махе сбила штукатурку. Всё это происходило как замедленном кино и в тоже время мгновение ока.

Ух! Адреналин мне по венам! Дима, уходя от железа, провалился за спасательные стойки, упал на колени.

В зале тишина, даже Metallica из колонок затихла.

— Что это было? — обернувшись ко мне, спросил он.

— Брат, ты же видишь, как я вижу? — отвечаю любимой фразой, которая прилипла ко мне в нулевые годы двадцать первого века, но всплыла сегодня из сумрака будущих дней. — Я не дотянулся, не успел. Ты же просто рухнул на стойки. — растерянно продолжил я. «Странно, я только представил, что он упадёт, — и он упал. Совпадение?» Такого я точно не припомню в моём прошлом. Не моё ли появление сработало негативным фактором? Но не телепатией же я его так обрушил, когда думал о том, что зря он уродуется с весами? Нехорошая случайность.

Помог разобрать бардак. Димка ушёл добивать ноги. А я, послонявшись, решил перекусить и заодно найти Ксюшу. Общение с ней поднимало настроение. И не только.

Забавно: полдня не прошло, а я уже всерьёз увлёкся. Одной. Да она просто чертовка. Хотя, возможно, это я смотрю на неё глазами взрослого мужика. В пятьдесят шесть любая симпатичная девушка кажется почти супермоделью. Синди Кроуфорд, Памела Андерсон... В этом времени они топчик. А я — мужик, который помнит, кто это такие.

В холле Ксюши не было. Я не стал терять время — заскочил в раздевалку, схватил кошелёк и рванул в гастроном. Через два дома. Советский магазин образца девяносто первого — зрелище унылое. Полки пустые. Из «изобилия» — морская капуста, молочко и хлеб, который качку есть западно. Выбор — как в анекдоте: «Можно взять то, или то, или то, но лучше не надо». Пришлось вспомнить молодость. Взял пачку «Энпит белковый» — детское питание, которым мы, нищие бодибилдеры, заменяли недоступный нам протеин «Weider» и бутылку молока. В тренерской забодяжу коктейль, и через часик — в зал. Потрению немного.

Размялся славно. Выжал из себя литр пота и, кажется, саму душу, сделав триумфальный тур по всем группам мышц. И вместо привычного «зачем я это начал?» меня накрыло эйфорией. Впервые за столько лет кач оказался в кайф.

Переборщил с нагрузкой, конечно. Даже не знаю, как я Василичу скажу, что уйду из профи, так сказать. Никаких суперсерий, только фитнес.

Завершив «лёгкую» экзекуцию контрастным душем, вышел на ресепшн. Облом. Шеф исчез. Ксюша испарилась, как утренний туман. Номер домашнего телефона я у неё забыл стрелкнуть — только адрес. В это дремучее время и мобильных ещё не придумали, так что вся надежда на то, что адрес записан верно.

На улице моросило. Чтобы не превратиться в мокрого хомяка, я вскочил на велосипед и покатился домой с такой скоростью, какую позволяла местная пересечёнка. На мотоцикле я буду смотреться гораздо круче. Да и удобнее. Но пока что велосипед.

К финишу, то есть домой, я подкатил уже под аккомпанемент настоящего тропического ливня. Вымок, хоть выжимай. Но настроение, черт возьми, было огонь — прямо пожар.

Захожу в квартиру, а там... сюрприз! Отец привёз с дачи целый мешок овощей. Такой классический родительский ребус: с одной стороны, «сын, я о тебе думаю», а с другой немой укор — «помощи от тебя, бездельника, ни на грош, но держи морковку», типа забота. Хотя, если покопаться в хрониках, у нас был джентльменский договор: я — матерый одиночка, который сам решает свои проблемы, а ко мне обращаться только в случаях экстренных и не слишком частых, если сильно припечёт. Но тут до меня дошло из воспоминаний. Это же его новая пассия включила режим «наседки» и отправила его проявлять заботу о потомстве. Женская логика: раз ребенок не голодает, значит, его срочно надо накормить, заодно поднять свой рейтинг. Ну, а что касается содержимого — полный набор для варки борща. Картофель, щедро приправленный черноземом, свекла, морковь в том же археологическом состоянии. В моей же спортивной вселенной борщ был персоной нон-грата. Я его не употреблял. Вообще. Но очень порадовали яблоки.

И тут — как обухом по голове. Вся сюрреалистичность момента. Интересно, как пройдёт наша встреча? Отцу сейчас сорок шесть. Мне — на десять лет больше. И если раньше он смотрел на меня как на инопланетянина с табличкой «воспитанию не подлежит», то теперь я чувствую в себе потенциал житейского гуру. Пару мудрых советов выдам. Рука не дрогнет, язык не отсохнет.

Социальное происхождение — штука липкая. Как комья земли на его картошке. Отец в городе живёт двадцать пять лет, а поди ж ты: «Вову из села вывезли, а село из Вовы — ни в какую». Кстати, отца зовут Владимир. Ирония: Владимир, владеющий миром, а ему хватает только его огорода.

Посмотрим, что скажет товарищ Владимир, когда его взрослый сын, которого он когда-то пытался наставить на путь истинный, сам примется вправлять ему мозги. Научу зарабатывать реальные деньги, а не сидеть на крошечном жаловании, экономя на всём и прибегая к натуральному хозяйству.

План у меня уже созрел. Отец уже как двадцать лет на радиоэлектронном заводе пашет — полезные связи у него там наверняка есть. Их надо задействовать. Скупать там всю «некондицию»: платы, детали, лом с цветными и драгметаллами, по дешёвке, благо народ ещё не понимает ценности этой рухляди. Дальше — бартер. Найти подходящий кооператив, который гонит в СССР компьютеры большими партиями, идеально — совместное предприятие. Компьютеры сейчас лакомый товар. Обменять свой цветмет на «железо», а после перепродать в тридорога. Первую сделку проверить небольшую, для пробы, а там уж и объёмы нарастить. Когда закрутится, можно и свою приёмку цветного металла открыть и одновременно СП. Кооперативное движение только набирает обороты, регистрируй — не хочу. Это самое простое, что пришло на ум из воспоминаний о лихих девяностых. Главное не откладывать. «Кто первый встал — того и тапки». С понедельника обязательно этим займусь, кровь из носа.

ГЛАВА 2

Но пока я снова не ушёл в перспективы с головой, стоит подумать и о более насущном. И ещё, стоит задуматься о собственной жилплощади. Не потому, что я гордый и независимый орёл — хотя и по тому тоже, — а из тактических соображений: ничем не обременять отца, не мозолить глаза своим скепсисом и не создавать почву для скандалов на кухне. Квартирный вопрос портил отношения отцов и детей с незапамятных времён.

Да и потом, в прошлой реальности тёплыми наши отношения стали только когда отцу было за шестьдесят. Когда бойцовский задор уступил место мудрому спокойствию, а воспитание сменилось редкими звонками: «Как там мои внуки?». Видимо, чтобы полюбить друг друга, нам нужно было выдержать дистанцию в многие годы.

Так что план: найти угол, быстренько встать на ноги, а потом уже навещать папу с гуманитарной миссией. Чтобы к его семидесяти мы подошли во всеоружии взаимного уважения и тёплых объятий. А пока — картошка пусть лежит, отношения бродят, жизнь продолжается.

Быстрая яичница болтушка насытила организм, а стакан свежего яблочного сока из соковыжималки прибавил калории и потревожил инсулин. Без изысков, но пока вполне себе съедобно, завтра разберусь с питанием основательнее.

А вот что с моим гардеробом сейчас? Как говорится: встретили по одежке, а проводили тоже плохо. Ксюша нищеврода терпеть не станет. В шкафу нашлись джинсы-варёнки, фасон «пирамиды» — если кто ещё помнит такие, — и жёлтая «американка» с вырезами на спине. Видок, конечно, вызывающий, а-ля Жан-Клод Ван Дамм на выход. С одеждой у меня, прямо скажем, не очень. Нужны бабки. Бабки, бабки, бабки! И я их заработаю. Обязан. Без них — труба. Но для субботнего вечера ничего более приличного в гардеробе не обнаружилось. Надеюсь, в таком виде я соберу вокруг не всю гопоту на померяться силой, хотя... Будет же весело. Мои скрытые способности к причинению вреда чужому здоровью порой удивляли даже меня самого. Видимо, годы тренировок и природная склонность к справедливости (или мордобоею — это как посмотреть) давали о себе знать. Так что план такой: джинсы, майка, уверенный взгляд и вперёд, покорять женскую крепость... Хотя, по-моему, крепость уже распахнула ворота и ждёт, когда я войду, вспоминая, какие «пассы» выдавала мне Ксюша.

В начале восьмого вызвал такси по телефону и ждать пришлось, на удивление, не долго. Номер нашёл в телефонной книге, тут же. Напоследок провёл ревизию финансов. Пересчитал хрустящие, добавил полтинник сверху для душевного спокойствия — чтобы кошелёк не чувствовал себя сиротой, а я не ощущал внезапного приступа нищеты посреди вечера. Деньги

любят счёт, а нервы любят, когда деньги есть. И вот я снова на улице. Город встречает меня влажным асфальтом, единственным фонарём посреди двора и предвкушением.

И вот она — подкатывает, жёлтенькая «двадцать четвёрка». Легенда советского автопрома, гордость таксопарков и кошмар пассажиров. Открывается боковое окошко, и тут я чуть не заржал в голосину. В проёме — лицо, практически Папанова. Того самого, с характерными усами и выражением «ну что, допрыгались?». Не хватало только знаменитого: «Кто заказывал такси на Дубровку?» Но нет, вполне миролюбиво:

— Вы на Фроленко заказывали? — Подтверждаю и ныряю на заднее сиденье.

И тут из глубин подсознания, а заодно и из глубин обивки, всплывает ОН. Тот самый запах, который не спутаешь ни с чем. Коктейль «Воспоминание о девяностых»: табачный дым (выдержанный, с нотками «Примы»), немытое тело (очевидно, водительское, пардон) и щедрая порция авто мовиля, которым, кажется, поливали всё, включая сиденья. Бр-р-р. Амбре неизбежное и въедливое. Я сижу и думаю: как в таком авто девушку возить? Это же не романтическое путешествие, а газовая камера. «Первое, что куплю — машину, — проносится в голове. — Чтобы не ездить в таком гадюшнике. Права я получил в прошлом году». Парфюма в квартире я не обнаружил, надеюсь, мой дезодорант, которым я щедро полился после душа, совершит подвиг и перебьёт эту адскую смесь, так что вся надежда на него, плюс мои феромоны, конечно.

Мы помчались. Вечерний город мелькает за окном, знакомые улицы навевают ностальгию, перемешанную с удушьем. Возле цветочного рыночка прошу остановиться. Как же без роз? Выхожу из машины, и к ближайшему ларьку. За прилавком явно грузин — мужчина лет тридцати, смуглый брюнет, с усами, в чёрной рубашке с распахнутым воротом, на шее массивный золотой крест. Есть у меня дар, по лицу определять национальность. Глаза — две маслины, блестят хитро.

— Гамарджоба генацвале — говорю. — Розы почём?

— Для такого красавца, — он окидывает меня быстрым взглядом, — пять рублей штука. Лучшие, свежие.

— Дорого, — качаю головой. — Скинь хотя бы до трёх.

— Три? — он картинно хватается за сердце. — Три рубля, брат? Это не роза, это любовь! Любовь за три рубля не продаётся.

— Тогда я к соседнему пойду, — делаю шаг назад.

— Стой-стой! — он выставляет вперёд широкую ладонь. — Для тебя, как для хорошего человека, четыре. Но только потому, что лицо у тебя знакомое. Выбираю пять роз — красных, крупных, с капельками на лепестках.

— Пять штук — двадцать? Всё равно многовато. Давай так: семь роз за двадцать. — смотрю в его чёрные глаза и думаю: «Было бы здорово, если б он вообще на пятнадцать согласился». Грузин замирает на секунду, потом его лицо вдруг расплывается в широченной улыбке, будто я не рубли предложил, а золотой слиток.

— О! А ты торгуешься, как настоящий джигит! И знаешь, ты очень на моего армейского друга похож, на Колю из Мелитополя. Прямо одно лицо. Я аж попутал, когда тебя увидел. — хлопает себя по бёдрам. — Забирай, брат, за пятнадцать! Все семь, и на — ещё две, чисто от меня, так букет богаче! — Я слегка офигеваю от такого кавказского радушия. Отсчитываю пятнадцать рублей, протягиваю.

— Договорились, — говорю. — Спасибо, земляк.

— Бог любит щедрых, — он прячет деньги в карман джинсов, подмигивает. — Счастливого вечера, брат. Пусть твоя девушка оценит.

Сажусь в такси, хлопаю дверь. «Что это сейчас было? Удивительное дело, — думаю. — Какой щедрый парень. Генацвале с такими скидками разорится».

Почти не опоздав, прибываю к Ксюшиному дому. Моя наручная «Электроника» (куда ж без неё) гордо показывает 20:01. Опоздание в минуту — это не опоздание, это стиль.

— Брат, тормозни здесь, — протягиваю рубль задатка шофёру, который всю поездку философски дымил в окошко.

— Подожди пять минут. — И мчусь в заветный подъезд. Домофонов ещё не изобрели здесь. В одной руке — розы, шипы впиваются в ладонь. Другой цепляюсь за перила, перепрыгивая через ступеньки. Лечу на четвёртый этаж. За спиной — пахучая «Волга» с Папановым за рулём. Впереди — Ксюша. Звонок. Дзы-ы-ынь. Тишина. Секунда, две, три... Четыре. Мысленно перебираю варианты: может, адрес перепутал? Листок оставил дома, положился на память. И тут — клац-клац. Дверь открывается.

В проёме — Оксана. Нарядно покрашенная, в облегающем красном платье. Волосы собраны в тугий хвост, подчёркивающий высокий лоб и восточные скулы. «Вау, почему я тогда не замечал такой красоты?» — мысль повисает в воздухе.

— Из Парижа с любовью, — выдаю я, протягивая шикарный букет и делая шаг ей навстречу, внутрь квартиры. Шаг в новую реальность, шаг в её запах, шаг в ту самую неизвестность, которая так сладко манит. Пахнет духами — терпкими, женскими, чуть с ноткой ванили. Кофе — только что сваренным, настоящим, не растворимым. И чем-то таким... обещающим. Тем самым, от чего у мужчин внутри ёкает, а потом долго не выравнивается сердечный ритм. Она принимает букет. Вдыхает запах роз — глубоко, с закрытыми глазами, будто пытается запомнить этот момент на всю жизнь. Красное платье облегает фигуру так, что хочется прочитать вслух Омара Хайяма, хотя вряд ли это уместно. Потом открывает глаза. Смотрит на меня. Чуть прищуривается, оценивая и тянется ко мне, поднимается на носочки — и целует меня в щёку. Губы тёплые, нежные, чуть влажные. Целует не по-свойски, чмок-чмок, а так... Вкладывая что-то. То ли благодарность за розы, то ли аванс на будущее, то ли просто сигнал: «Заходи, не стой в дверях, здесь хорошо». В этот момент «Электроника» на запястье, показывает 20:03, но внутреннее время останавливается.

— А почему из Парижа? — Приподнимая брови спрашивает она.

— Фильм такой есть — говорю и сразу осекаюсь, потому что промахнулся с ним лет на двадцать и скорее перехожу к планам на вечер.

— Такси ждёт внизу, — тихо говорю я, и голос звучит как-то по-другому, мягче, что ли. Я чуть отступаю назад, всего на полшага. Просто чтобы дать себе возможность как следует разглядеть эту роскошь — спокойно и с наслаждением. Медленно, по-мужски, словно дегустируя глазами. Фигурка точёная — загляденье. Сквозь трикотаж платья на груди чётко обозначились тугие соски, и какой-то гормон ударил в голову так, что у меня в ушах зазвенело. «Чёрт, веду себя как пацан», — ругаю я себя мысленно.

— Потрясающая... Глаз не оторвать... Красавица хоть куда! — накидываю тут же не задумываясь комплименты Оксане. Смотрю и понимаю: в прошлой реальности я был слепым котёнком. Как можно было ходить мимо такой женщины и не замечать? Не замечать, как она двигается, как смотрит, как улыбается? Она перехватывает мой взгляд. Улыбается уголками губ. Не отворачивается, не смущается, не одёргивает чуть приподнявшееся на бёдрах платье. Держит паузу ровно столько, сколько нужно.

— Такси, значит, ждёт? — спрашивает, чуть растягивая слова, будто пробует их на вкус. — А ты сам? Ждал? Ты уже готов хоть куда? И смотрит прямо в глаза. Вот тут я понимаю, что вопрос я спровоцировал не про такси, он про всё сразу. Про готовность к приключениям, про решимость, про то, готов ли я нырнуть в этот омут с головой, не проверяя дно. И ответ, видимо, должен быть не только про готовность сесть в машину.

Я завис на долю секунды от её тонкого намёка на толстые обстоятельства и мой внутренний процессор перегрелся и выдал синий экран смерти, несмотря на весь мой предыдущий жизненный опыт.

Виду не подал — лицо кирпичом. Я не имел в виду ничего такого... ну, почти ничего. «Что имею — то и введу», — мысленно усмехнулся я. В памяти — ни одного примера, чтобы девушка в СССР — вот так, на полусерьёзе, задавала такие вопросы. И так смотрела в глаза, не отводя взгляд.

Очень интересно, она такая и есть — раскованная, современная, с внутренней свободой? Или это связано с моей реинкарнацией, с тем, что я тут вообще инородное тело, и хроносы решили надо мной подшутить? Либо хрен поймёшь. И то, как она на меня реагирует, тоже очень странно. Без сомнения, это приятно и невероятно льстит. Но чёрт возьми... во всём этом есть какой-то подвох. То ли я в прошлой жизни был таким дураком, что не замечал очевидного, то ли сейчас она видит во мне кого-то другого. Ладно, будем разбираться по ходу пьесы.

Она тем временем поставила цветы в трёхлитровую банку. Да-да, обычную стеклянную банку, которая выполняет функции хрустальной вазы в этом суровом временном промежутке. Затем она обулась в изящные босоножки на каблук. Я смотрю на этот процесс и понимаю, что даже обувание у неё выглядит как небольшое эротическое представление, с изюминкой, если так можно сказать.

— Оксаночка, накинь что-то на плечи, вечер прохладный, — говорю я, указывая рукой на приоткрытый шкаф. Заботливо так, по-отечески, хотя внутри меня всё поёт и пляшет. Она оборачивается, приподнимает одну бровь:

— Думаешь? А ты что, не согреешь? И очень лукаво улыбается, стрельнув хитрым взглядом в мою сторону, тянется к вешалке, снимает лёгкую светлую ветровку, при этом, подол платья поднимается до ягодичных складок на попе. Момент, достойный отдельного крупного плана. Хоть не уходи никуда!

— Конечно согрею, — отвечаю, выдерживая паузу, и добиваю: — Вот и грелку с собой прихватил. Она смеётся. Заразительно, искренне, запрокидывая голову. В этом смехе — и принятие моей дурацкой шутки, и согласие на игру, и ещё что-то искреннее, от чего внутри разливается приятное тепло.

— Ну, веди, — говорит она, и делает шаг к двери. — Покажешь... потом... свою грелку? — Открываю дверь, пропуская её вперёд. Дверь за нашими спинами хлопает английским замком и красное платье мелькает в полумраке лестничной клетки, каблочки цокают по ступенькам, а я спешу следом и думаю: мне здесь нравится! Мне охренеть как здесь нравится!

Таксист нас не бросил, ждал, дымил в окно. Вот же сука, сколько можно курить? Распахиваю для неё заднюю дверь Волги. Садимся.

— Уважаемый! Убедительная просьба, надеюсь на ваше понимание, не курите в машине, пока нас везёте. К Туристу пожалуйста! — Обращаюсь к водителю самым дружелюбным тоном, на что в ответ слышу от него только недовольное бурчание себе под нос, но от окурка он сразу избавился.

— О! «А что мы там будем делать?» — тихо спросила Ксюша.

— Вкусно кушать, танцевать, болтать и... знакомиться, — отвечаю я. — Мы же вроде и знакомы, и нет. Просто вместе треним — и всё. А тут такое приятное и совершенно неожиданное утреннее недоразумение вдруг открыло мне глаза. Вот этот самый «вдруг» и стал катализатором. — Я улыбаюсь и смотрю ей в глаза, стараясь поймать с ней полный контакт.

— Слушай, Ром, у тебя такие необычные словечки проскакивают, — Ксюша трёт пальцем нос. — А что, по-твоему, вообще «катализатор»? Это же кажется из химии, да?

— Очень близко, по сути. Это какой то, порою, незначительный элемент, типа фраза, действие, реакция, вызывающий обратную связь, либо отношение, новое видение или чувства... как в нашем случае — говорю и накрываю её ладонь, лежащую на обнажённом бедре, своей рукой. Кончиками пальцев чувствую — кожа тёплая, гладкая, упруга. На мгновение замираю, даже забываю дышать. Ксюша чуть вздрагивает, потом медленно убирает свою руку и кладёт её поверх моей, крепко прижимая.

В салоне — тяжёлый запах табака и бензина, но сквозь него всё равно пробивается её аромат. Красное платье, неброское, советское, но ей идёт, чёрт возьми. И я уже прикидываю, как на ней будет смотреться платье от «Версаче». Скоро разбогатею — куплю и не одно, а с десятков. И босоножки за тысячу баксов. И ещё кучу всего, чтобы она ходила и улыбалась. Чтобы чувствовала, какой я щедрый. Деньги, слава, статус — в наступающем новом мире без этого никак. А рядом должна быть красивая, ухоженная, счастливая девушка. И почему бы не она.

За окном мелькают огни вечернего города — жёлтые, размытые, похожие на ёлочные гирлянды после дождя. Всё это вместе складывается в такой яркий момент, что хочется петь. Огни только подогревают моё желание разбогатеть. Спасибо дару предвидения — я точно знаю, на что ставить. А мотивацию надо поднять!

— Катализатор, значит, — повторяет Ксюша после недолгого молчания, глядя в окно. Мелькающие огни отражаются в её глазах, делая взгляд глубоким и чуть таинственным.

— Мне показалось, что катализатор был не скрыт бюстгалтером — Она говорит это добродушно усмехнувшись, без тени смущения. Просто констатирует факт.

— Не поспоришь, это был весомый аргумент, даже два... — соглашаюсь я, чувствуя, как улыбка сама лезет на лицо. — К тому же, я сегодня проснулся другим человеком. — Накидываю философского тумана, чувствуя себя Казановой с дипломом бабника.

— Другим человеком? — Ксюша поворачивает голову, смотрит на меня с любопытством. В глазах — смесь интереса и лёгкой иронии. — Это как? Ты что, ещё вчера был простым парнем, а проснулся чётким мужчиной? — Ох, как она, была права: сегодня я проснулся уже солидным мужчиной — с богатым жизненным опытом и багажом из трёх браков. Но вот об этом я ей точно рассказывать не стоит.

— По-другому, — вздыхаю я трагически. — Ещё вчера я был человеком, который никого не замечал. А с утра — почувствовал, что его ждёт в клубе такая красотка. — Она смеётся. Заразительно, искренне, запрокидывая голову. Ткань платья натягивается на груди, а я стараюсь смотреть в окно, но получается плохо. Очень плохо...

— Значит просто почувствовал? — спрашивает она, отсмеявшись. — Правда, правда?

— Сегодня. Внезапно, — отвечаю я и продолжаю пафосно — Будто пелена с глаз упала. Просыпаюсь утром, открываю глаза и не понимаю: где я, кто я, зачем я?

— И кем же ты себя теперь чувствуешь? — с любопытством спрашивает она.

— Твоим мужчиной, — произношу я, замечая, как она быстро проводит языком по пересохшим губам.

— Слушай, — Ксюша неожиданно становится серьёзной, — тебе всё это не кажется странным? Ведь действительно, вчера я тебя почти не замечала, прости. А сегодня утром увидела — и этот твой взгляд... Он какой-то хищный, но при этом до боли родной. Понимаешь? Смотрю и не могу отвести глаз. В нём такой магнетизм, что просто не оторваться. Я до вечера только и думала, когда же ты приедешь, — она опускает глаза и чуть тише добавляет: — правда, еле дождалась. —

— Кажется я тебя понимаю, — киваю я. — Очень даже понимаю. И мне это безумно приятно. — Улыбаюсь задумчиво, а мысленно, в полной мере осознаю, что очевидно, я своим ментальным или хрен знает ещё каким полем, завладел её сознанием и чувствами, если это вообще можно объяснить по-другому, но она сама в этом только что создалась.

— Мне тоже приятно, — тихо говорит она.

Машина тем временем подруливает к ресторану при гостинице «Турист». Вывеска неоновая, с буквами, которые горят через одну — видимо, так задумано, для колорита. Светятся «Т», «Р» и «С» — «Турист» превращается в «ТРС», что можно расшифровать как «Ты Роскошная стерва» или как-то ещё более завёрнуто. У входа трое молодых парней лет двадцати в трениках, обсуждают что-то важное. Судя по оживлённой жестикуляции говорящих, речь идёт

о фильме. Можно подумать, что они только из видеосалона, напитавшись духом Брюса Ли и Чака Норриса. Один из них, коренастый, чернявый, кажется мне смутно знакомым. Я вглядываюсь, но темно, неон мигает, да и память пока не выдаёт чёткого ответа. Ладно, неважно.

Расплачиваюсь с «Папановым» по счётчику, добавив рубль «на чай». Он довольно кивает — видно, что «рупь» его порадовал, — прячет деньги в бардачок и желает нам «всякого приятного» таким тоном, что Ксюша даже покраснела слегка, хотя может это от неоновой вывески блик.

— Спасибо, — бросаю я таксисту, открывая дверь. — Бывай, командир.

Выбираемся из машины. Ксюша, закинув ветровку на плечо, оглядывает вывеску.

— Турист, — читает она вслух. — А мы тоже сегодня туристы? Или ещё местные?

— Мы путешественники, — говорю я, беря её под руку, хищно осматривая троицу у входа. Чернявый перехватывает мой взгляд, но отворачивается — то ли не узнаёт, то ли я обозначился. Ладно, проехали.

— Путешествуем во времени и пространстве. — Ксюша смеётся, прижимается ко мне. Тяжёлая дубовая дверь с латунной ручкой пропускает нас внутрь.

Вестибюль просторный. Слева — гардероб с массивной вешалкой, за стойкой полноватая женщина в тёмном форменном платье щёлкает семечки, не поднимая головы. Воздух плотный — смесь духов, табачного дыма и того самого ресторанного запаха, в котором угадываются жареные грибы, чеснок и что-то неуловимо праздничное.

Стены отделаны светлым деревом. Вдоль стен — мягкие диваны с кожаной обивкой бордового оттенка. На столиках — тяжёлые скатерти, стеклянные пепельницы, салфетницы с бумажными треугольниками. На каждом столике — свечи в стеклянном подсвечнике.

В углу — крошечная сцена. Сейчас там играет магнитофон. Крутится что-то ритмичное — «Комбинация», судя по характерному синтезаторному звучанию. Танцпол пустует, музыка — скорее фон для разговора. Зал небольшой, слегка прокуренный, но уютный. У стен сидят парочки и компании. Атмосфера тёплая, почти домашняя — если бы не этот советский табачный дым. Мы подходим к дальнему столику у окна — повезло, свободен. Я отодвигаю стул, стараясь быть максимально галантным. Ксюша садится, поправляет платье. Я на секунду завишаю — красный цвет оттеняет её кожу при свете свечи, и это, чёрт возьми, красиво.

Приведением из дальнего угла является официантка — женщина лет сорока, с усталым, но доброжелательным лицом, в белом фартуке и с блокнотом наготове.

— Добрый вечер, что будете заказывать? — спрашивает, поглядывая на нас с лёгким любопытством.

— А что ты посоветуешь? — Ксюша смотрит на меня, передавая инициативу.

— Во-первых, шампанского, — говорю я тоном знатока. — Самое лучшее, какое есть. И из горячего... Что у вас фирменное?

— Шашлык по-карски, очень советую, — оживает официантка. — Или сёмга на гриле в сливочной подливе, грибочки — пальчики оближешь.

— Берём шашлык и грибочки! И салат... — я заглядываю в меню, напечатанное на плотной бумаге, — «Столичный». И ещё... Ксюш, что ты хочешь?

— Мне всё нравится, — она улыбается, и в её глазах пляшут отблески свечи. — Ты так заказываешь, будто каждый день в ресторанах обедаешь. И вот ещё, шампанское? Мы же спортсмены.

— Один бокальчик, для храбрости. — говорю и слегка глажу ей руку, лежащую на столе. Официантка записывает, кивает и уходит. Мы остаёмся вдвоём. Музыка стихла, видимо, сделали паузу чтобы сменить репертуар.

— А чего здесь забыл путешественник во времени? — Ксюша склоняет голову набок и смеётся одними глазами — И откуда он к нам прибыл?

— Из будущего, — шепчу я таинственно. — Там всё по-другому. Там люди знакомятся в интернете, такси вызывают через мобильный телефон в приложении, а девушки накачивают губы и сиськи силиконом. — Она смеётся, прикрывая рот ладошкой.

— Врёшь ты всё, но так смешно! Столько ерунды навывдумывал не моргнув. Давно так не смеялась. — Она наклоняется ко мне через стол. — А что в будущем, мы с тобой знакомы?

— Мы... — я зависаю.

— В прошлой реальности мы были просто знакомыми, но сейчас... Мы обязательно будем. Если ты этого хочешь. —

— Я не против, — тихо говорит она. В этот момент официантка приносит шампанское в ведёрке со льдом. Откупоривает бутылку с лёгким хлопком, разливает по фужерам. Искристое золотистое вино играет пузырьками.

— За встречу, — поднимаю я бокал.

— За путешественников, — отвечает она, чокаясь. Мы пьём, не сводя друг с друга глаз.

— Знаешь, — говорю я, ставя бокал, — я ведь правда сегодня проснулся другим. И это лучшее, что со мной случилось за последние... ну, скажем, тридцать пять лет.

— Тридцать пять? — она хлопает ресницами, и я вижу, как в глазах загорается искорка недоверия, смешанного с восхищением.

— Ромка, ты невероятный! — Смеётся громко, заразительно, запрокидывая голову, а её грудь вздрагивает в такт. И я понимаю, что готов слушать бесконечно этот смех.

— А что такое интернет? Я что-то слышала об этом.

— Да это электронная связь такая, — отмахиваюсь я небрежно, будто речь идёт о чём-то обыденном, вроде холодильника. — В журнале «Наука и жизнь» прочитал, и слово похожее на скайнет, как из фильма «Терминатор» со Шварценеггером — решил дальше не углубляться в версию пришельца. Самое забавное, что я ей открыл правду о себе, а она в это точно не поверила. И совесть моя чиста. Формально я не врал. А то, что правда звучит фантастичнее любого фильма — ну, извините, не я придумал эту реальность.

— Шварценеггер? — Ксюша морщит носик, вспоминая. — А, это который железный такой? Я видела на видеокассете у подруги. Страшный, но крутой. А скайнет — это что, компьютер, который решил всех убить?

— Типа того, — киваю я, радуясь, что тема уходит в безопасное русло. — Но интернет — это другое. Это чтобы общаться, информацию искать, база данных, ну и вообще... — я запинаясь, понимаю, что объяснять принципы работы сети в 1991 году — задача для фантаста. — В общем, через пару тройку лет сам увидишь.

— Через пару тройку лет? — она прищуривается, но в глазах пляшут чёртики. — Ты ещё и предсказывать умеешь?

— Сегодня только самое хорошее, — улыбаюсь я. — Например, что этот вечер будет самым незабываемым в твоей жизни. Она смущённо отводит взгляд, но руку не убирает. Наши пальцы переплетены — тепло, надёжно, чуть влажно от волнения. Это затмевает всё: и табачный дым, и музыку, и даже запах подгоревшего мяса.

Но тут подходит официантка. Ставит на стол дмящееся блюдо. Шашлык — сочные куски мяса на лаваше, с луком и зеленью. Пахнет так, что слюни текут. К счастью, наш шашлык миновал участь холокоста. Рядом — горшочек с жареными грибами в сметане и салат «Столичный» горкой.

— Приятного аппетита, — желает она, ловко сервируя стол. — Вино будете?

— Нам и этого шампанского достаточно, — отвечаю я. Ксюша смотрит на мясо с таким выражением, будто перед ней произведение искусства.

— Я так проголодалась, — признаётся она. — А ты? —

— А я сегодня питался только правильной едой и предвкушением вечера, — усмехаюсь я. — Так что, очень!

Мы едим. Разговор течёт плавно, цедим ледяное шампанское. «Чтобы так отдыхать, — думаю я, — надо зарабатывать не эти жалкие копейки в кооперативе. Так на рестораны я разорюсь. Плотно займусь своим бизнесом. Надо решительно трясти бабло. Это моё время».

Ксюша рассказывает о себе: что тренирует детей по утрам, а потом до вечера группы по аэробике, что подружки по институту уже все замуж повыскакивали, что, между прочим, живёт она с мамой, но та уехала к родственникам в Крым на три недели. Я слушаю вполуха, потому что главное — не слова, а то, как она говорит: чуть наклоняя голову, поправляя выбившуюся прядь, касаясь моей руки, когда хочет подчеркнуть мысль.

— А ты? — спрашивает вдруг. — Ты так о себе и не рассказал. Откуда ты взялся такой... другой?

— Извини, — я кладу вилку на край тарелки. — Трудно рассказывать, когда сам до конца не понимаешь. Но знаешь... — я смотрю ей в глаза, — я здесь. С тобой. И это главное. Многие знания — многие печали.

— Философ, — улыбается она. — Ромка-философ.

— Можно просто Роман — мужчина всей твоей жизни! — Оксана снова тихонько смеётся. Тем временем музыка меняется — теперь это медляк. Кто-то из парочек выходит танцевать, если, конечно, эти движения можно признать танцем.

— Потанцуем? — предлагаю я, вставая. Ксюша вкладывает ладонь в мою, и мы выходим в полумрак. Под ритмы «Я хочу переспать с тобой...» кружатся пары, над головами вертится зеркальный шар, рассыпая зайчиков. Я обнимаю её за талию. Платье тонкое, под пальцами — упругое тепло. Она кладёт руки мне на плечи. Двигаемся медленно, отдалившись от других.

— Знаешь, — шепчет она в ухо, — ты какой-то особенный. Фантастический, невероятный. И мне это очень нравится. Мысленно погружаюсь в её сознание — на секунду, краем. Там сладко и уютно. Безмятежная невесомость. Как же круто, мать его.

— Если бы ты знала, как ты мне нравишься... — говорю и прижимаю её крепче.

И как раз в тот самый момент, когда я расслабился и увлёкся разговором с Оксаной, отчётливо почувствовал на себе чей-то пристальный взгляд. Не знаю, как я это сделал, но мне аж запекло затылок. Оборачиваюсь — у входа в зал знакомое лицо. Тот самый коренастый брюнет из компании парней, на которых я ещё при входе внимание обратил, тот, лицо которого мне показалось знакомым. Стоит, облокотившись о дверь, и не отрываясь смотрит на нас. Взгляд тяжёлый, на лице — кривая ухмылка подвыпившего супергероя, который явно переигрывает. И тут до меня доходит, кто это. В прошлой жизни, в армии, у меня во взводе был один курсант — неуклюжий такой, слегка придурковатый, с вечно выпученными глазами. Тогда я уже служил заместителем командира взвода, и вся рутинная муштра легла именно на меня, как на сержанта. Имя уже выветрилось, а вот физиономию я вспомнил — чисто чёрт. Похоже, он тоже меня узнал и теперь, возможно, что-то выжидает. Ну и ладно. Я, честно говоря, ещё дома чувствовал, что вечер сегодня получится... с продолжением. Главное — чтобы Ксюша не испугалась, если дело вдруг дойдёт до рукопашных занятий. Но здесь и сейчас — только эта девушка, музыка и шампанское. А что до этого чёрта, то пусть дождётся. Захочет приключений — получит. Каждый сам себе режиссёр своего несчастья.

ГЛАВА 3

Мы ещё несколько раз танцевали, закончив наш не скромный ужин при свечах обжигающим кофе по-турецки. Десертов не было, как и сахара в восточном напитке — мы же художники, тьфу ты, спортсмены, конечно. Кстати, и шампанское осталось не допитым по той же веской причине. Я рассчитался, и мы поблагодарили официантку за вкусности. На выходе я набросил на плечи Оксаны её ветровку, начало двенадцатого и августовская погода после дождя жаркой точно не казалась.

И вот тут выходит та троица, что топталась на входе. Не стали сразу подходить, задирать, а шли следом на дистанции метров пятнадцать, всё активнее обсуждая своё наболевшее. В основном говорил один — мой подопечный по рядам вооружённых сил.

Думаю, наболевшего я им скоро добавлю. Вряд ли вспоминать они это станут с удовольствием. Бля, главное — никого не покалечить.

Атака, очевидно, начнётся там, где фонари закрыты деревьями. Как тогда говорили: «Темнота — друг молодёжи».

Я же ещё в ресторане предложил Оксане прогуляться. И, к сожалению, так вышло, что наше неторопливое движение по влажному асфальту каким-то образом совпало с траекторией этих ребят. Надеюсь, сожалеть придётся не нам.

— Оксана, поддержи мои часы, пожалуйста, чтобы они мне не мешали — передаю ей свои часы и считываю удивление в глазах моей девушки.

И быстро добавляю — Так надо! Ничего не бойся, всё будет хорошо, самое главное слушай меня, если что скажу делай в точности. Ребята, которые позади, очевидно хотят поделиться своими впечатлениями от нашей случайной встречи, но мне что-то подсказывает, что им придётся поделиться исключительно своим здоровьем. Конечно, не хотелось бы, а придётся их «выслушать» — Оксана не успела, мне ответить, как позади прохрюкал мой чернявый знакомец

— Сержант Третьяков, уруру, притормози по-бырому! — и через пару секунд продолжил — Стоять я сказал! — его пехота заржала на всю улицу.

— Оксана, я подожду этих чертей, а ты двигайся дальше пошустрее, я тебя скоро догоню, не волнуйся. — и чмокаю её в уголок рта, что вызвало новый взрыв смеха моих клиентов. Ничего, хлопчики, — мысленно перефразирую поговорку для бодрости духа: «Хорошо смеётся тот, кто ни разу не упал». Разворачиваюсь к ним и внимательно рассматриваю любителей ночных разговоров. С удовлетворением слышу цокающие каблучки уходящей Оксаны — умница, послушная девочка.

— Ну что, сержант? — Задира подходит ближе, поигрывая плечами. — Не узнаёшь старых знакомых? А я тебя сразу приметил. Думаю, дай-ка поздороваюсь с бывшим командиром. А ты, сука, помнишь, как на зарядке меня ремнём бил? Я же тебе говорил, что у меня мозоли? Ты сука, смеялся только, козлина! Беги, блядь, беги! Так что теперь ты у меня побегаешь! — и дальше понеслась всякая хуйня о тяжёлой доле новобранца.

И так, что у нас в наличии? Два довольно крепких парня возможно чуть старше меня нынешнего и мой дембельнутый терпила. Действовать буду на опережение — молниеносно и нестандартно. Чернявого оставляю на закуску, поглумиться. То, что я не испытаю с ними проблем не только не сомневался, я даже рад был слегка выпустить пары, самым негуманным способом. А вечер то, какой, был хороший! «Бить буду аккуратно, но сильно». Да, что это меня Папанов преследует весь вечер, улыбаюсь сам себе и не дожидаясь окончания «прелюдии» в прыжке пробиваю «пыром» ноги в пах парня слева, когда троица оказалась в паре шагов и тут же добавляю снизу апперкот в область удивлённо растерянной рожи оппонента. Он тут же складывается кулём. Делаю шаг в сторону с разворотом влево пропуская падающее тело и без паузы резко толкаю армейского «терпила» в сторону второго здоровяка. И тот, откинувшись назад, врезается затылком своему напарнику прямо в лицо. Хрясь! Судя по тому, как второй сел на асфальт, схватившись за лицо, и забулькал кровью, нос ему мы с его товарищем по несчастью, так сказать, «откорректировали». Добивать смысла нет — там уже всё понятно. Дальше — провожу подсечку терпиле, не давая ему собраться с мыслями. И он следом за своими соратниками прилунился на асфальт. Итак, пятнадцать секунд и предо мной картина маслом — охотники на привале. Только привалило их не шуточно, с кровавыми потёками. Терпила с перекошенным от ужаса лицом, что-то бормотал и пытался отползти от меня.

— Теперь подробнее чертила, кого ты назвал козлом — рычу я сквозь зубы и резко бью ему ногой по рёбрам, что тут же приводит его, как мне показалось в «неописуемый восторг», но я ошибся в степени его восторга. Восторг всё-таки получился «описуемый» — клиент обмочил штаны, кривлялся выпучив глаза. Его подельники на четвереньках двигались к бордюру, хрюкая разбитыми носами, пытаюсь хоть как-то ускользнуть от продолжения тёплого «доверительного» разговора...

— Падаль. Я даже твою фамилию не помню — и надеюсь, что мне больше никогда не придётся о тебе вспоминать, — говорю я, сплёвываю ему на голову, разглядывая жертву собственной глупости.

— Рано ты в себя поверил, шакал! — и добавляю цитатой из фильма моего будущего — «Чтобы стать царем зверей, мало вести себя по-царски. Надо быть царём». Надеюсь, ты получил удовольствие от встречи, придурок? — наклоняюсь к нему ниже

— Не слышу! — он дёргается, закрывая лицо руками и что-то скулит, поджав коленки, что типа всё понял и прочее нечленораздельное. Бить его я больше не стал: ну во-первых Оксана, наверное, смотрит сейчас, во-вторых, он обоссался, а мараться об него западло, в-третьих, не ровен час, милиция нагрянет, и испортит такую прекрасную концовку.

Обернувшись в поисках подруги, увидел в отдалении одиноко стоящую фигурку и трусцой подбежал к ней. Оксана прижала руки к груди, смотрит на меня круглыми глазами. В них — смесь ужаса, восхищения и недоверия.

— Оксаночка, давай чуть ускоримся, пока с мигалками не приехали, хулиганов ловить — жизнерадостно заявил я, не дав ей задать очевидно приготовленные вопросы.

— На каблучках очень быстро не получится, Ромочка. — покосившись на обувь вымолвила она. Я на мгновение задумался. А я что могу сделать? Да всё что угодно! Не дав ей опомниться, подхватываю её на руки и быстрой и размашистой походкой иду по тротуару прочь, наслаждаясь её потрясающим запахом, уткнувшись носом в её волосы.

— Они живые? — тихо шепчет она.

— Живее всех живых, — и с некоторой долей ехидства добавляю — А ещё, надеюсь, поумневшие разом.

— Да забудь о них! Думай о хорошем! Кстати, такси в это время нам точно не видать, — тихо говорю ей на ушко.

— Но нам повезло: я живу всего в десяти минутах отсюда — продолжаю плести паутину, широко улыбаясь.

— Может, зайдёшь ко мне на чай? — Она тянется к моему уху и полушёпотом, скорее утверждая, чем спрашивая:

— Ты же приставать будешь, да? — И ещё, ты мне обещал показать свою «грелку»! Обещал, я помню! — мурлычет она в продолжении и хихикает. Я слегка завис, что же так всё складывается хорошо то? Всё вкуснее и вкуснее!

Сердце — то ли от ходьбы с ношей на руках, то ли от адреналина, который я хапнул несколько минут назад — решило устроить спринт и попыталось обогнать меня. Через двести метров пришлось опустить Оксану на землю. Приобняв её за талию, я повёл её домой на прямик через дворы.

— Я всегда выполняю свои обещания, кровь из носу, — говорю я с напускным пафосом и улыбаюсь. И, что самое забавное, кажется, она верит каждому моему слову. Идёт рядышком, часто цокая каблучками, сопит носиком, и я вижу, в свете уличных фонарей, как на её лице блуждает лёгкая, улыбка предвкушения и удовольствия от происходящего.

— Ромка, ты же у нас качок, а не боксёр и не каратист, верно? — Оксана сама себе отвечает: — Верно. Тогда что это только что было? Ты «поговорил» с этими придурками всего минуту, ну максимум! И всё — они потухли. Объясни, как ты это сделал? — эмоционально выпаливает она, окончательно оторвавшись от своих мыслей.

— Что я могу сказать? Повезло. — улыбаюсь застенчиво отворачиваясь,

— Мне повезло, а им не очень. Так бывает, когда ожидаешь большего, не заботясь о малом — а сам подумал, лишь бы я не напугал её своими фокусами, которым я научился в прошлой временной реальности, в предстоящие ещё, здесь, «благословенные» девяностые.

— Home sweet home? Мы пришли, вот и мой подъезд, только не пугайся, с уборкой я сегодня не справился — а тем временем наручные часы пикнули отбой, засветившись четырьмя нулями.

Заветный второй этаж. Замок щёлкнул двумя оборотами, в распахнутом дверном проёме моё жилище в полумраке имеет весьма романтические очертания. Оксана переступает порог, оглядывается. Я включаю светильник в прихожей — мягкий свет заливает помещение.

— Раздевайся, проходи, — говорю я, и принимая у неё ветровку. — Чай, кофе? — а мысленно продолжил «потанцуем». Она застенчиво улыбается, скидывает босоножки и проходит в зал, если конечно семнадцать квадратных метров можно так назвать. Останавливается у книжного шкафа, рассматривает корешки.

— Ты много читаешь? — удивлённо.

— Конечно, — пожимаю плечами. — Когда не тренируюсь и не путешествую во времени. — Она смеётся, но в смехе уже нет напряжения. Есть только лёгкость и предвкушение. Я иду на кухню, ставлю чайник. А сам думаю: ну что, мы же только на чай, наверное... Но я и так всё понял. Воздух в комнате стал тягучим, как патока. Она появляется в дверях кухни. Красное платье в полумраке кажется почти чёрным, но глаза блестят. И губы приоткрыты, влажные. Она переводит дыхание — медленно, глубоко, так, что вздымается грудь под тонкой тканью. И смотрит на меня. Ждёт. Читаю по её вздоху «Танцы у нас уже были. Теперь полежим»

— А где твоя обещанная грелка? — спрашивает с хитринкой, расплываясь в улыбке.

— Ты всё-таки замёрзла? — поворачиваюсь к ней, пропуская тонкий намёк на толстые обстоятельства мимо ушей.

— Немного, — она обнимает себя за плечи. — Но я надеялась, что ты меня согреешь. — Я подхожу. Медленно, чтобы не спугнуть. Беру её за руки — они действительно прохладные.

— Есть один способ, — говорю тихо. — Проверенный.

— Какой? — шепчет она. Я притягиваю её к себе, обнимаю, уткнувшись носом в макушку.

— Вот такой. Долгие объятия, говорят, очень хорошо согревают. Но мне тоже что-то подсказывает, нам не обойтись без грелки. — Она прижимается ко мне так близко, будто боится отпустить хоть на секунду. Обхватывает мою шею, скрестив пальцы на затылке, кладёт голову мне на грудь — и замирает. Я чувствую её дыхание: тёплое, немного сбивчивое, и каждый выдох отзывается лёгкой дрожью где-то внутри. Она задерживает дыхание, прислушивается. На пару секунд всё вокруг будто останавливается.

— Слышу, — тихо говорит она, не поднимая головы.

— Что? — переспрашиваю я, хотя уже догадываюсь. Она едва заметно улыбается, прижимаясь ещё сильнее.

— Твоё сердце. Оно так колотится, — шепчет она. — Ты волнуешься? — Я чувствую, как внутри всё сжимается. Не от страха — от какой-то оглушающей честности момента. Можно было бы пошутить, перевести всё в лёгкую ироничную плоскость, как я привык. Но сейчас почему-то не хочется надевать привычную маску.

— Волнуюсь, — признаюсь без попытки спрятаться за шутку. — Ты невероятная! — а мысленно «Роман Владимирович, ты ли это? Ты ещё способен на романтизм? Романтичный Роман, блин, каламбур».

Она медленно поднимает голову. Наши взгляды встречаются — и в этом коротком мгновении, кажется, есть всё: и любопытство, и нежность, и лёгкая неуверенность, и отчаянная

смелость. В её глазах отражается мягкий свет и какая-то тёплая, живая глубина, в которую хочется прыгнуть, не думая, выплывешь ли потом.

—Ромка! Ты—загадка,— произносит она, словно пробуя слова на вкус. —Загадка, которую безумно хочется разгадывать. — Её голос звучит ровно и спокойно, но внутри слышится тонкая, волнующая дрожь желания — такая же, как в моменты, когда делаешь что-то по-настоящему важное и правильное. Она не ждёт, что я что-то скажу в ответ, не пытается разыграть сцену и не прячется за маской. Она сама тянется ко мне — искренне, по собственной воле, и целует в губы так горячо и долго, что у меня перехватывает дыхание. В этот раз поцелуй получается другим. В нём нет спешки, нет неуверенного «а вдруг», нет осторожного зондирования почвы. Она целует долго и глубоко, будто боится, что-то пропустить. Руки скользят по моей груди, и дальше за спину опускаются на ягодички, её ладони стали горячими, почти обжигающими. Она не отпускает, а я и не хочу, чтобы отпустила.

— Я тебя поймала, Рома, и ты мне нужен — в ответ также обхватываю принцессу за упругую попу. Мир вокруг тихо отступает. Все незадаанные вопросы, все сомнения, все «а что будет потом» растворяются, как дым. Есть только её губы, её дыхание, её запах — смесь духов, тёплой кожи и чего-то родного, от чего в груди становится так тесно, будто сердце готово выскочит наружу.

На плите неожиданно пронзительно свистит и закипает чайник. Звук режет тишину, как нож. Мы оба на секунду замираем, но даже не смотрим в его сторону. Чай сейчас кажется чем-то из параллельной вселенной, не требующий внимания. Нам уже не до чая. Совсем. Подсознательно я чувствую или даже слышу мысли Оксаны, её тихое, но уверенное «да». Без суеты, без лишнего пафоса. Простое ясное понимание: я снова слышу её мысли — она неистово меня хочет. Быстро выключаю газ и подхватываю её на руки. Это уже второй раз за вечер, и мне впору подавать резюме в штат профессиональных носильщиков. Она обвивает меня ногами, скрестив их на бёдрах, прижимаясь промежностью к уже давно рваной из штанов «грелке», платье с лёгкостью съезжает на талию. Я чувствую всем телом её пульсации, а под моими руками ложатся линии её тела — такие реальные, такие тёплые и такие безупречные. Мы продвигаемся по коридору и попадаем в полумрак спальни. Здесь почти темно — и только свет уличного фонаря в окно ложится полосой поперёк не застеленной с утра кровати, при этом он не выхватывает резких деталей, а как будто мягко обнимает всё вокруг: стены, шкаф, кровать, наши силуэты. Я аккуратно опускаю её на край кровати. Платье слетает через голову в секунду, и моя девочка предстаёт в том же наряде, что и утром — в трусиках. В мокрых трусиках.

—Моя Прелесть! —шепчу я. Она смотрит на меня как-то особенно — по-новому, глубже, что ли. Совсем не так, как ещё минуту назад, когда мы оба ещё играли осторожные роли: чуть ироничных, чуть отстранённых, беззаботно лёгких. Сейчас в её взгляде нет игры, есть принятие и немой вопрос: «Ты чего ждёшь? Я здесь, я с тобой, я твоя». Влечение сменилась вожделением, сладострастием и всепоглощающей жадой. Её тонкие пальчики нащупывают молнию на моих джинсах — «вжих» и брюки падают вниз, спутав шиколотки. Я мягко укладываю её на подушку, опираюсь руками по обе стороны от неё и освобождаюсь от остатков своей одежды, чувствуя каждой частицей кожи, что между нами растаяли последние условности... А ночь только начинается...

После второго раза мы пошли пить чай. Сидели на кухне в полной тишине, только позвякивали чашками о стол, и переглядывались, любовались друг другом. Говорить не хотелось — всё уже сказали руки, губы, тела. Она куталась в мою футболку, которая висела на ней как платье, и улыбалась от истомы и удовольствия.

После третьего раза — когда мы уже перестали считать, кто кого, и просто выжали друг из друга всё, до последней капли, — мы полезли в ванну. Вода обжигала, пар клубился, но нам было безразлично. Мы сидели в этой тесной советской ванне, переплетая ноги, и хохотали над какой-то хуйнёй. Потом замолчали. Потом целовались, не закрывая рта, солёные, мокрые,

скользкие — под шум воды, под стук капель о кафель. Она намылила мне голову медовым шампунем, тёрла мне спину жёстко, как любила, а потом я массировал её ступни — длинные пальцы, розовые подошвы, — и она стонала не от боли, а от удовольствия. И было в этом что-то древнее, правильное. Будто мы уже сто раз так сидели. Будто всегда.

Потом — полотенца, мокрый паркет до спальни, и как только головы коснулись подушки — провал. В одно мгновение. Сон сморил нас обоих, крепкий, глубокий.

А вот в остаток ночи мне приснились моя жена, мои дети, мой дом, моя жизнь. Моя прошлая жизнь. Как-то абстрактно, невысказанно в полном объёме, будто прокрученная на супербыстром проигрывателе, вспыхивая всеми красками моих побед и поражений, радостей и горя — как один сжатый файл. Без звука, почти без деталей, только эмоции — плотные, как желе, и острые, как осколки. Жена. Её беззвучный смех. Рождение детей. Их первые шаги. Мои уходы. Мои возвращения. Объятия, которые длились слишком мало. Молчание, которое тянулось слишком долго. Дом. Стены, которые я строил своими руками. Окна, в которых годами горел свет. А потом погас. Всё это пронеслось за секунды — сжатый файл жизни, который распаковался прямо в подсознании, заполнив каждую клетку тоской. Дикой, всепоглощающей, от которой не спрятаться, не убежать, даже если ты в другой реальности, в другом времени, в объятиях другой женщины. А потом картинка начала таять. Видения отдалялись, становились прозрачными, растворялись в тумане. Я пытался крикнуть, побежать за ними, но ноги будто вросли в пол. Сердце колотилось, дыхание перехватило. И когда нежные губы Оксаны начали своё утреннее путешествие по моему телу, я вынырнул из этого сна почти окончательно. Ещё несколько секунд не мог разлепить веки — боясь, застрять между мирами. Но видение или же сон, оставив после себя только смутное чувство потери и благодарности за то, что это вообще было, исчезли без следа. Я открыл глаза. В комнате пахло утром, сексом и ею.

— Доброе утро, — шепнула Оксана, и я улыбнулся, отогнав прошлое туда, где оно и было — в прошлое, или будущее, не разбираюсь я пока ещё в деталях. Она забралась под одеяло тёплым комочком, пахнувшая сном и мёдом, и начала целовать меня — сначала грудь, потом живот, потом ниже, добравшись до заветной «грелки». Сладко, медленно, с той утренней ленцой, когда никуда не надо спешить. Моё пробуждение стало всеобъемлющим, я бы даже сказал встало таковым, а Оксана, расположившись между моих ног не желала останавливаться. Но всё-таки через несколько минут подняла голову и улыбнувшись прошептала

— Доброе утро, мой хороший — выпустив изо рта то, что пол ночи не давало нам спать. Да, действительно, утренний секс ещё никому не был противопоказан. Даже тем, у кого ночью разрывалось сердце от потери. Я запустил руки в её волосы, плотнее притянул к себе, и наваждение отступило совсем. Осталась только она. Здесь. Сейчас. Моя.

— Доброе утро, моя Прелесь, — прохрипел я, чувствуя, как голос предательски срывается. — Продолжай, пожалуйста. — Она ответила мне короткой, но многообещающей улыбкой и, не торопясь, устроилась сверху, уверенно прижавшись лобком, плотнее насаживаясь на моё утреннее настроение, чтобы не потерять ни одного миллиметра удовольствия. Я помог ей, придерживая за талию, чувствуя под ладонями горячий бархат кожи, и в какой-то момент просто откинулся назад, позволяя себе лишь наблюдать. Она двигалась размеренно, в своём ритме, будто под неуловимую музыку, слышимую только ей одной. Её бёдра плавно перекачивались, и всё тело откликалось на каждое движение. Я с нескрываемым, почти детским наслаждением следил за тем, как её груди мягко и ритмично подпрыгивают в такт, как свет утреннего солнца, пробиваясь через шторы, ложится на её кожу золотистыми бликами, подчеркивая каждую линию, каждое напряжение мышц. Моя Прелесь, вся в этом чувстве, запрокинула голову назад. Её затуманенные глаза иногда закрывались от накачивающих волн удовольствия; дыхание становилось шумным и глубоким, будто ей не хватало воздуха, хотя комната была наполнена свежим, прохладным утренним воздухом открытого балкона. Ноздри чуть дрожали, ловя рваные вдохи; в уголках приоткрытого влажного рта блестела тонкая нить слюны — незначи-

тельная, но до невозможности откровенная деталь, от которой возникал новый прилив сексуального влечения. Её пальцы с силой сжали мою грудь, ногти почти впились в кожу, оставляя горящие полосы. В этом энергичном ритме не было ни капли усталости, ни намёка на то, что совсем недавно, ещё ночью, мы устраивали настоящий марафон, испытывая друг друга на прочность. Казалось, прошла не яркая, бессонная ночь, а всего лишь короткая пауза перед новым, ещё более ослепительным продолжением. С каждой секундой её движения становились увереннее и свободнее, и я видел, как она полностью отдаётся ощущениям: в том, как напрягаются её бёдра, как подрагивают мышцы живота, как влажная прядь волос прилипла к виску. Её тело говорило громче, чем любые слова — в нём было и доверие, и страсть, и какая-то обезоруживающая нежность. Я ловил каждую деталь: тепло её ладоней, тяжёлый ритм её дыхания, скрип кровати, приглушённый шорох простыней. В эти мгновения мир сжался до пространства спальни, до её взгляда, до её голоса, который иногда срывался на тихий стон. И, глядя на неё снизу вверх, на мою упрямую, живую, до кончиков пальцев настоящую Прелесть, я понимал, что ни ночь, ни утро, ни время вообще не имеют значения — есть только это чувство, в котором мы оба растворяемся, снова и снова выбирая друг друга. Тихо вскрикнув, задрожав каждой мышцей тела и закатив в безудержном экстазе глаза, она без чувств, рухнула на меня с судорожно пульсирующим, влажным лоном. Я сдал несколькими секундами позже, едва успев выскользнуть, — и разрядился жемчужным выстрелом ей на попку.

В голове осталась только звенящая пустота. Наше тяжёлое, сбившееся дыхание медленно выравнивалось, наполняя комнату глухими, ровными вздохами. За окном просыпался воскресный город: где-то вдалеке тихо раздался первый сигнал, загудели машины, послышался негромкий разговор прохожих, жалобно скрипнула чья-то дверь, пока мир лениво потягивался после сна. Время, казалось, замедлилось, растворилось, где-то за стенами, перестало торопить и требовать, чего-то от нас. Мы молчали, но в этом молчании не было неловкости — только удивительное, тёплое единство. Не нужно было подбирать слова, объяснять, оправдываться. Всё уже было ясно без лишних фраз. Осталась лишь мягкая, всепоглощающая нега, накрывшая нас невесомым одеялом, наполняющая собой каждый уголок комнаты, каждое движение, каждую мысль. И в этом тихом, почти невесомом моменте было ощущение, что именно так и должно быть — просто быть, дышать и слушать, как просыпается мир за окном.

Пусть девочка релаксирует, а пока пойду приготовлю завтрак. И, наверное, не плохо бы позвонить отцу. Знать бы, где записан его номер. И где он живёт — убей, не помню. Где-то на юго-западе... вроде. Память, знаете ли, за тридцать пять лет теряет такие детали.

— Нам не мешало бы поесть. «Я пошёл готовить!» — провозгласил я, распахивая шторы. Солнечный свет тут же принялся щекотать мурлычущую девочку в моей постели. Оксана приоткрыла один глаз, сонно улыбнулась:

— Давай я приготовлю... Ты вчера столько всего...

— Даже не думай, — отрезал я. — Принцессам не положено. Они отдыхают и набираются сил для новых занимательных дел. И вообще, есть древнее правило: кто первый проснулся — тот и повар.

— Ты проснулся только потому, что я тебя разбудила, — хохочет она, облизнувшись с откровенным подтекстом, и тянется как довольная кошка. Я включил магнитофон. Плёнка зашуршала, и из старых наушников потёк тягучий, чуть хриловатый голос Фрэнка Дюваля, снял их с полки — тяжёлые, с толстыми поролоновыми подушками, размером почти как маленькие колонки, — и аккуратно, с нежностью, на какую был способен, надел на Оксану.

— Расслабься, — объявил я, подкручивая громкость. Чтобы слышала только музыку. А не мои кухонные подвиги.

— А я покажу класс высокой холостяцкой кулинарии. — сказал, видимо, уже самому себе.

Но она кивнула, будто прочитала по губам и только глаза смеялись, а её пальцы в такт отбивали ритм. На кухне первое, с чего я начал, оторвал листик календаря. Восемнадцатое августа. Сутки до дня X. Что ж, скоро завертится, уже завтра. Но еда сама себя не приготовит. Никаких тебе сковородок с шипящим маслом — только пар, только варка, только высокая кулинарная философия. Четыре яйца, а их в холодильнике осталось ровно столько, сколько нужно для счастья одному мужчине и одной женщине в воскресное утро, отправились по очереди в кипящую воду. И вышли из этого испытания настоящими яйцами-пашот — нежными, податливыми, с жидким сердцем, от вида которых желудок замирает от восторга. На гарнир я соорудил салат. Взял помидорчики — отлежавшиеся, красные, такие мясистые. Обдал кипятком, снял с них шкурку, чтобы ничего не мешало почувствовать прекрасные томаты. Чуть-чуть соли, капельку масла — и тут, о чудо из чудес, на глаза попался лимон. Правда, подсохший, сморщенный, но дух в нём ещё теплился. Я выдавил из него сок — и я ни за что не поверю, что вкус салата не вызовет гастрономический оргазм. Пару кусочков хлеба на электрогриле превратились в тосты. Кофе в доме, к сожалению, не оказалось. Ни в зёрнах, ни молотого, ни даже растворимой бурды. Ну что ж, чай так чай. Тем более чай, можно справедливо отметить, стал предлогом этой замечательной ночи. Заварка крепкая, ничем не хуже кофе.

Пока готовил, я прикинул план на день. Воскресенье. Самое время, пожалуй, набрать отца. Вчерашний мешок с овощами, был как намеки на заботу с его стороны. Да и вообще — как никак, родитель. Вот и телефон, на подоконнике устроился, тяжёлый, бежевый, дисковый. Рядом — потрёпанная записная книжка. Пролистал: какие-то «Толик сантехник», «Гаражный кооператив», «Магазин „Океан“ — заказ». Ни чего-то похожего на «Отец» или «Владимир». Я почесал затылок, мысленно копаясь в голове. Помнить бы, где записан его номер телефона спустя столько-то лет. Это хорошо, что я с утра ещё мобильник не стал искать. Гы. Память, знаете ли, за тридцать пять лет теряет такие детали.

— Эй, путешественник! — голос Оксаны вернул меня на землю. Она стояла в дверях, одевшись снова в мою футболку и с нескрываемым любопытством меня разглядывала. — Ты чего задумался? И чем это так вкусно пахнет?

— Размышляю о вечном, — отозвался я, демонстрируя во всей красе мои кулинарные изыски на кухонном столе. — О связи поколений, о сложности коммуникации, не верных акцентах, и приоритетах в этот момент и о том, что завтрак — это, пожалуй, лучшее изобретение человечества после колеса.

— Пир заказывали? — и широко улыбаюсь. — Ты проголодалась?

Она подошла, к столу и по пацански присвистнула.

— Ромка, а ты не только драться умеешь! Это что?

— Итальянский завтрак — развёл я руками.

— Хотя может быть и французский, возможно не досолено, но это уже по вкусу. В целом чё бог послал. Угощайся, моя Прелесть. — про себя же подумал — отцу позвоню позже, если, конечно, найду его номер. Мы уселись на табуретки за стол, и тут я внезапно почувствовал под ягодицами какую-то подозрительную прохладу. Посидел ещё секунду, поёрзал, и до меня наконец дошло: я же так и не надел плавки. Я героически готовил на кухне в одном только мамином фартуке — из одежды на мне был, по сути, лишь этот семейный реликт с красными цветами. Когда повязывал его, думал: вот сейчас Оксану немного подразню, добавлю перчика к утреннему настроению. А теперь вижу, как она сидит напротив, давится смехом и во всю улыбается, глядя на меня. И становится ясно: план с «горячим шеф-поваром» сработал, хотя, кажется, немного не так, как я рассчитывал.

Оксана взяла вилку, подцепила яйцо-пашот. Желток вытек на тост — густой, золотистый, аппетитный. Я смотрел и думал: «Надо же, как красиво». И желудок согласно урчал.

— Рома, — выдохнула она после первого же кусочка, закрывая глаза. — Это... Это не завтрак. Это преступление. Я теперь всю жизнь буду требовать от своего мужчины яйца-пашот с помидорами. Она попробовала салат и издала звук, похожий на рычание голодного котёнка.

— Что ты сделал с этими помидорами? Они же... ммм... волшебные.

Мы ели, и я смотрел, как она ест. С аппетитом, с наслаждением, не стесняясь, не пытаюсь изображать из себя светскую даму, которая клюёт салатный листик раз в четверть часа. Это было красиво.

— Я вчера даже не спросила, — проговорила она, прожёвывая очередной кусочек, — ты как вообще? После всего этого? Ни в чём не разочаровался? Тебе всё понравилось?

— После всего этого? — я сделал задумчивое лицо. — Ты про вечер?

— И про вечер тоже, — она слегка покраснела, — и про ночь...

— Ааа! Вы про ту самую ночь? — кивнул я серьёзно, переходя на официальный тон. — Знаете ли, гражданка, это была лучшая ночь в моей жизни. Я даже не знаю, что там было вкуснее — шашлык или грибочки. А, стоп! Так вы не про шашлык? Зачем спрашивать, разве не видно, что я летаю от счастья?

— Врёшь, — она улыбнулась.

— Ни капли. Шашлык был отличный, но он, знаете ли, не целовал меня так нежно и глубоко. И точно не доставил и миллионной доли того продолжения. — Она прыснула и чуть не поперхнулась чаем.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.